АННА ШНАЙДЕР
ДВУЛИКИЕ
ИГРА НА ОПЕРЕЖЕНИЕ

Анна Шнайдер

Двуликие. Игра на опережение

https://litres.ru/74204568

Аннотация

Говорят, у императора Велдона каменное сердце. Говорят, он жесток, требователен и нелюдим. Говорят... да, о проклятом императоре много всего говорят, и он даже согласен со всеми этими неприятными характеристиками. Вот только юная студентка магической академии Шайна Тарс не согласилась бы с ними... если бы знала, кто скрывается под маской таинственного хранителя библиотеки, которого она называет Нордом. Ложь... она может разрушить многое, если не всё. Но как сказать правду?..

Вторая часть истории. Иллюстрация на обложке Вероники Акулич.

Книги по порядку: Двуликие. Клетка для наследника Двуликие. Игра на опережение Двуликие. Долг души

Можно читать отдельно от "Я тебя придумала" и "Сердца волка".

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	33
Глава 3	63
Глава 4	88
Глава 5	114
Глава 6	142
Глава 7	165
Конец ознакомительного фрагмента.	171

Пролог

Не спасёшься от доли кровавой,
Что земным предназначила твердь.
Но молчи: несравненное право —
Самому выбирать свою смерть.

Н. Гумилёв

ПРОЛОГ

Принцессе Данite всегда, с самого детства, нравилось в парке академии. Намного больше, чем в императорском. Императорский парк был обычным: деревья, кусты, трава, дорожки, скамейки. Данита не знала, в чём дело, но парк академии казался ей живым, он был больше похож не на парк, а на Арронтар, лес оборотней. Деревья шелестели листьями так, словно переговаривались между собой, и иногда принцессе чудилось, что она может различить слова.

И сейчас, когда её план провалился, казалось правильным прийти именно сюда. Жаль, что нельзя сделать это в совершенном одиночестве — где-то за спиной, как обычно, маячили стражники, и Данита невесело усмехнулась, присаживаясь на резную деревянную скамейку в глубине парка. Ча-

ще всего ей было безразлично, есть кто-то рядом или нет, но иногда это раздражало. Особенно когда принцесса думала о том, что всё зря — ей никогда не стать кем-то значимым вроде дяди Велдона или Дамира. Она всегда будет на вторых, а то и третьих, ролях.

— Скучаем?

Данита подняла голову и поморщилась — невдалеке стоял Коул. Обычно ей нравились такие симпатичные эльфы, но он всё же был слишком высокомерным. И явно сходил с ума по Шайне. Принцесса иногда замечала, как он смотрел на эту девчонку, выросшую в борделе, и презрительно усмехалась. Надо же — высокородный эльф, а клюнул на такую простушку, ещё и не сказать что очень симпатичную…

Шайна нравилась Даните, но, если бы не ситуация с учёбой, принцесса и не подумала бы с ней общаться. Это ведь почти что общаться со шлюхой. Но лучше уж так, чем терпеть присутствие других простушек, у которых при виде Даниты слюна текла из уголков губ и разговоры были только о Дамире.

— Чего тебе? — неохотно спросила принцесса.

— Да так, — Коул пожал плечами, подошёл ближе и сел рядом. — Иду, смотрю — ты скучаешь. Дай, думаю, составлю компанию.

— Не переживай, — сказала Данита с усмешкой. — Мне никогда не бывает скучно. Так что можешь идти по своим делам.

Коул проигнорировал её добрый совет, достал из кармана спелый ямол, вытер его о брюки — Даниту передёрнуло — и смачно откусил. Во все стороны брызнул ярко-красный сок, похожий на свежую кровь.

— Хош? — спросил он, ткнув принцессу локтем в бок. — У меня ишшо есть.

— Нет уж, спасибо.

Коул понимающе хмыкнул и продолжил жевать. Через пару мгновений, проглотив очередной кусок, он покосился на невозмутимо молчавшую Даниту и глубокомысленно протянул:

— Непросто всю жизнь быть второй, правда?

— Чего? — она резко развернулась и прищурилась, глядя на эльфа с недоумением.

— Я тебя понимаю. — Коул будто бы и не слышал вопроса. — Я, знаешь ли, и сам такой. Второй наследник. Только у тебя брат, а у меня сестра. И папашка меня бросил… а тебя мамашка.

Данита заскрежетала зубами.

— И что?

— Да ничего. Просто хотел сказать, что понимаю тебя. Но снимаю шляпу — бить себя по голове туфелькой, чтобы привлечь внимание, мне как-то не доводилось.

— Я не собиралась привлекать… — принцесса запнулась, и Коул хитро посмотрел на неё. — Ты это… откуда взял? Кто сказал? Эмирин?!

— С чего ректор будет со мной откровенничать? — эльф вопросительно приподнял одну бровь. — Я ей не сват, не брат и даже не племянник. Нет, ваше высочество, я сам догадался. Это несложно, если включить мозги. Но твои верные спутники этим важным артефактом предпочитают не пользоваться.

Данита хмуро смотрела на него, но Коул всё же продолжил:

— Если бы тебя действительно хотели убить, то выбрали бы для цели не тонкую и звонкую Хору, а кого-нибудь покрупнее и помощнее. Это первое. Если бы тебя действительно хотели убить, то академия блокировала бы удар, как она это делает с любой агрессией. Академия не блокировала — значит, агрессии не было. Это второе. Вывод… Ну кому это нужно кроме тебя самой? Ты же изнываешь от желания узнать, где брат, правда?

Принцесса скрестила руки на груди.

— Слушай… чего тебе от меня надо, эльфячья рожа?

— Фи как грубо, — поморщился Коул. — Да ничего, ваше высоческая мордашка. Я просто хотел тебе посочувствовать. Тут, как я понимаю, у тебя друзей нет, только приятели. Ну и стражники ещё. Они, кстати, мою спину так сверлят своими взглядами, что у меня там к вечеру наверняка чирей вскочит.

Губы Даниты впервые дрогнули в улыбке.

— А ты иногда можешь быть забавным, — протянула она. — Хотя чаще ты всё же довольно противный.

— Открою тебе страшный секрет, принцесса, — усмехнулся Коул. — Ты тоже чаще всего не особенно приятная.

Она засмеялась.

— Но, знаешь… Так как я тебе сочувствую и очень хорошо тебя понимаю… Предлагаю свою помощь. Ты ведь хочешь узнать, где твой брат?

Данита растерянно моргнула.

— Конечно.

— Мне это тоже очень интересно. Так, из любопытства. Я вообще любопытный, если ты ещё не заметила. И мне кажется, что вдвоём узнать истину у нас получится гораздо лучше. Что скажешь, ваше высочество?

Она молчала несколько секунд, а затем, усмехнувшись, встала со скамейки.

— Скажу, что мне надо подумать.

— А-а-а, — понимающе протянул Коул. — Ну ладно. Думай-думай. Если что, ты знаешь, где меня найти.

Данита кивнула и пошла обратно в академию, а за ней, словно молчаливые тени, шагали вездесущие стражники.

Глава 1

Шайна Тарс

Во сне было легче. Во сне всегда легче. Там ты — не совсем ты, а словно сторонний наблюдатель, какая-то невидимая в прошлом субстанция, разлитая в воздухе. Иногда мне казалось, что у меня есть тело, я могу бегать, прыгать, шагать или плакать, но на самом деле это была просто иллюзия.

Теперь же, после последнего сна о Триш, когда я проснулась и села на постели, плакать захотелось по-настоящему. От боли и разочарования.

Я всегда считала маму самой лучшей. Самой доброй, самой справедливой, самой красивой, самой великодушной, самой талантливой. Я боготворила её.

А теперь оказывается, что моей мамы никогда не существовало на свете. Существовала только Триш Лаира, которую я не могла боготворить. И все мамины поступки теперь виделись мне иначе.

Она была странствующим магом, потому что скрывалась от кого-то, кто её искал. Я не знаю, был ли этот «кто-то» плохим, но Триш Лаира точно не была хорошей.

Она так и не попросила прощения у Эмирин. Лишь нашла девицу, которой был не нужен собственный ребёнок, и назвала этого ребёнка именем Шайна. Это имя когда-то вы-

брала Эмирин для своей девочки. А теперь его носила я. И если Триш могла думать, что это похоже на извинение, то мне так совсем не казалось.

Моя мама — трусливая предательница. Вот и всё…

Я встала с кровати, медленно оделась и вышла в коридор. Было два часа ночи, и я не подозревала, куда хочу пойти. Только бы не лежать на одном месте… и не видеть сны.

К Норду? Нет. Опять плакать в его присутствии? Он наверняка и так обо мне невеликого мнения.

К Эмирин. Да, точно. Решение вспыхнуло во мне новорождённой звездой, и я решительно зашагала по коридору. Я совершенно не помнила, где находится её комната, но знала, что академия меня обязательно приведёт куда нужно.

Однако я совершенно забыла о том, что у академии могут быть свои понятия о том, что мне нужно. И, свернув в очередной коридор, я буквально грудью врезалась в магистра Дрейка Дарха.

Несколько секунд он смотрел на меня вытаращенными глазами, как будто я была привидением, а потом схватил за плечи, чуть приподнял над полом и прошипел прямо в лицо:

— Шайна, вы с ума сошли? Ходить по коридорам ночью категорически запрещено!

— Ну вы же ходите, — брякнула я язвительно, и он слегка побагровел. Поставил меня обратно на пол, но плечи не отпустил, только чуть ослабил хватку.

— Куда вы направлялись? Правду, Шайна!

Я и не собиралась лгать. Думаю, этот ответ был единственно возможным для меня в подобной ситуации.

— К профессору Аррано.

Дрейк прищурился.

— Зачем?

Ага, так я тебе и рассказала.

— По личному делу.

— Сейчас два часа ночи! — он настолько громко рявкнул, что я даже подпрыгнула. — Какое, к кхарртам собачьим, личное дело! Если вам плохо, идите в лазарет! Всё остальное может подождать до утра!

— Не может! — я, к своему удивлению, тоже заорала. — Не может! Мне очень нужно к Эмирин! Пожалуйста!! Очень нужно…

Закончила я на более низкой ноте, если не сказать — хриплой, внезапно осознав, что стою посреди коридора академии ночью и ору на собственного куратора.

— Нет, — ответил Дрейк твёрдо, но уже не громко. — Я не пущу тебя к Эмирин. Пошли. Со мной поговоришь о своём личном деле.

Он взял меня за шкирку, как кошки носят своих котят, и куда-то потащил. Я еле успевала ноги переставлять, поминутно спотыкалась, кажется, даже что-то говорила, но магистр не слушал.

Потом перед глазами появилась хорошо знакомая дверь его личной комнаты, а через секунду я уже сидела в крес-

ле перед столиком, и Дрейк наливал мне какой-то алкоголь прямо в чайную чашку.

— Спасибо, я не…

— Будешь, — категорично ответил он и бухнул её на стол передо мной. — Судя по твоему состоянию, тебе это очень нужно.

— Но в академии же запре…

— Под мою ответственность.

Я хмуро поглядела на него исподлобья, взяла в руки чашку и сделала глоток. Крепкий алкоголь моментально ударил в голову, и не только туда — я даже закашлялась.

— Не нравится? Может, чаю сделать? Наверное, тебе лучше запивать эту дрянь.

— Её лучше вообще вылить, — буркнула я, а магистр вдруг улыбнулся.

— Возможно. Ну рассказывай, что у тебя там за личное дело, которое не могло подождать до утра.

Я молчала, только вертела чашку в руках. Сама она была белой, а внутри — коричневой, как всегда бывает с чашками, если их плохо мыть после чая.

Наверное, я смотрела туда слишком долго, потому что Дрейк вдруг сказал:

— У меня всю жизнь было не очень с бытовыми заклинаниями. Извини уж. Но в этой эльфийской перцовке такой градус, что ты точно ничем не заразишься.

— Эльфийская перцовка?..

— Да. Никогда не слышала?

Я помотала головой.

— Неудивительно. Она не очень популярна среди людей, и даже эльфы не все её любят. Я раньше не любил, а лет десять назад вот пристрастился, — он хмыкнул. — Она, знаешь ли, хорошо мозги от лишних мыслей прочищает.

Да, алкоголь мог помогать ослаблять вспышки метки проклятья. Совсем немного, и не всегда. И не всякий алкоголь.

— Тебе что-то приснилось? Эмирин говорила, тебе снятся не очень приятные сны.

Я вздохнула, поднесла чашку к губам и сделала ещё глоток. Жуткая гадость.

— Скажите… магистр… — пробормотала я, с трудом переводя дыхание. — Могу я задать вопрос?..

— Конечно, Шайна.

— Вы… вы ведь знали Триш Лаиру?

Кажется, он не ожидал подобного вопроса.

— Знал.

— А… можете рассказать… каким человеком она была?

Дрейк задумчиво смотрел на меня несколько секунд, как будто сомневаясь, стоит ли продолжать разговор, но всё же ответил:

— Это сложный вопрос, Шайна. Я расскажу тебе кое-что, ладно? То, что помню лучше всего. А выводы ты будешь делать сама.

Однажды Триш нашла в Арронтаре умирающую лань. Эта

лань была обречена, там даже Эмирин и Нарро оказались не в силах помочь. Но у неё были три маленьких оленёнка. И Триш целую ночь просидела с этим животным втайне от Эмирин, чуть не угробила себя, но спасла лань. Потом две недели с постели не вставала, но ужасно радовалась.

Я шмыгнула носом. Дрейк на какое-то время замолчал — пошёл наливать чай. Через минуту протянул мне полную кружку горячего и очень ароматного напитка, сделал глоток из своей чашки и продолжил:

— Позже… примерно через год… она страшно поссорилась со своим братом Эдрианом. Он любил эксперименты, а Триш терпеть не могла, когда он ставил их на животных. И каждый раз возмущалась. Но тогда — сильнее всего. Всю лабораторию ему разнесла, а сам Эдриан дня три потом мазью от ожогов мазался — Триш его чуть в огне не спалила. Когда ей было шестнадцать — Триш в то время училась уже на втором курсе академии и проходила практику в городской больнице, — она подружилась с одной девочкой, которая лежала в отделении патологии. Знаешь, что это?

Конечно, я знала. Именно в отделении патологии умирала Эрли, дочь матушки Розы и моя лучшая подруга. Его ещё называют «отделением для безнадёжных».

Человек, умирающий от магической болезни, но невосприимчивый к магии… Это большая редкость.

— Знаю.

— Та девочка уже не могла ходить и полностью облысела.

Триш постоянно бегала к ней на этаж, носила ей еду, рассказывала весёлые истории, подбадривала. И когда она умерла, Триш даже заявила Эмирин, что, раз так, она больше не будет заниматься магией. Эмил, конечно, уговорила её, но с большим трудом.

Представляю, насколько это было трудно, учитывая упрямство моей мамы.

— А когда Триш первый раз пригласили в качестве гостьи на бал в императорский дворец... Заметив, что одна молоденькая графиня строит глазки наследнику, Триш сделала её юбку прозрачной. И все могли лицезреть симпатичные кружевные чулочки. Был страшный скандал, Эмирин с Триш несколько дней не разговаривала. Но потом они, разумеется, помирились. Только император сказал: «Это чудовище на балу больше появляться не должно».

Я улыбнулась, вспомнив ботинки под платьем. Балы и Триш, видимо, вещи несовместимые.

Как я и балы. Хоть что-то я унаследовала от мамы…

— Шайна… — Дрейк говорил медленно, словно подбирая слова. — Возможно, я ошибаюсь, но, мне кажется, Триш не была плохим человеком. У неё было большое и очень горячее сердце. А горячие сердца иногда сжигают не только себя, но и других.

Я отвела взгляд.

— Я знаю, это сложно. Но тебе нужно принять её такой, какой она была, а не такой, какой ты её себе представляла.

Триш Лаира не была идеальной, Шайна.

Я закусила губу. Идеальной… На мой взгляд, она совершила непростительный поступок. При чём здесь идеальность?

— Как вы думаете… зачем она назвала меня Шайной?

Это было рискованно, но вряд ли, откровенничая со мной, Дрейк не понимал, почему я задаю все эти вопросы. И я не ошиблась. Он ни капли не удивился, просто сделал глоток чая и покачал головой.

— Я думаю, что тебе лучше самой ответить на этот вопрос. И ты сможешь это сделать, если хорошенько подумаешь.

Я кивнула. Пусть будет так.

Наследный принц Дамир

Утром в воскресенье Шайна была мрачнее самой мрачной тучи. Примерно так иногда выглядел дядя Велдон после совещаний с советниками, особенно если речь там шла о финансах. Но у Шайны никакого совещания не было — просто она опять где-то шлялась ночью.

— Ты была в библиотеке? — спросил Дамир, в душе надеясь, что подобное настроение появилось у неё не после встречи с дядей Велдоном, и даже вздохнул с облегчением, когда Шайна помотала головой.

— Нет. Я просто увидела не очень хороший сон и решила

пойти поговорить с Эмирин, но…

— С мамой? — удивилась Дин, и Шайна вздрогнула, услышав слово «мама».

— Угу. Но в коридоре я встретила магистра Дарха и до ректора так и не дошла.

— О чём же вы с ним говорили? — поинтересовался Дамир.

— Давайте не сейчас, пожалуйста, — ответила Шайна, поморщившись. — Позже я всё расскажу, но… не сейчас.

Наследник и Рональдин непроизвольно переглянулись, но кивнули. Это было вполне в характере Шайны. Сначала ей нужно созреть.

.

— А когда у вас всех день рождения? — поинтересовалась Данита за завтраком, и Дамир, сидевший рядом с Шайной, почувствовал, как она напряглась. — У меня летом вот, совсем недавно был.

— У меня тоже летом, — ответил Эван.

— И у меня, — кивнул наследник: по легенде, Мирра родилась на неделю раньше, чем он сам.

— А у меня зимой, — сказала Дин. — В середине, когда мороз сильнее всего.

После её ответа все разом посмотрели на Шайну. Она мрачно молчала, не глядя ни на кого и ковыряясь в своём омлете.

— Шани? — окликнула её Рональдин, и полуэльфийка

всё же подняла глаза. — А у тебя когда день рождения?

— Через две недели.

Дамиру стало смешно. Отвечая, Шайна выглядела так, словно её собирались вести на казнь. Удивительно, но она умудрялась быть одновременно мрачной и трогательной. Наследнику даже захотелось её обнять.

— Вот замечательно! — больше всех обрадовалась Данита. — Обязательно надо сходить в город и отпраздновать!

Шайна помрачнела ещё сильнее, хотя секундой ранее казалось — сильнее уже некуда.

— Не…

— Ой, молчи! — принцесса замахала на неё руками так, что уронила салфетницу. — Знаю я, что ты скажешь! Не надо, не хочу… Зато мы хотим! Правда, ребята?

— Правда, — кивнул Эван. Дин выглядела неуверенной, а Дамир решил поддержать Шайну:

— Мне кажется, главное — то, чего хочет именинница. А если она не хочет…

Это стоило сказать хотя бы ради благодарного взгляда Шайны. Наследник знал, что до самой смерти его не забудет.

— Шайна никогда и ничего не хочет, — фыркнула принцесса. — Надо же когда-то начинать! Ну пожалуйста-а-а-а!

Данита молитвенно сложила ручки, Эван засмеялся, а Дин вдруг сказала:

— Шани, я понимаю тебя, но… может быть, в этот раз сделаешь исключение? Ради нас. Мы тебя любим и хотим

отпраздновать твой день рождения.

Шайна вздохнула, и Дамир не выдержал — опустил руку и сжал под столом её ладонь.

— Хорошо, — сказала она, и лицо её немного посветлело.

Император Велдон

Он с большим интересом выслушал доклад главы Тайной службы о посещении Коулларом Родосом борделя в компании Шайны Тарс. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, зачем они туда ходили. Но догадываться Велдону не пришлось — у Тайной службы в борделе были свои агенты.

Потом, когда докладчик ушёл, поклонившись и получив очередные указания, к императору явилась Эмирин. И её рассказ оказался не менее увлекательным.

— Ты был прав, Вел. А я ошибалась.

— Я даже не знаю, хорошо ли это, — пробормотал император, качая головой. — Хотя в любом случае нам пришлось бы несладко.

— В любом, — кивнула Эмирин.

— И что ты предлагаешь делать теперь?

— Ничего особенного. Нельзя допустить, чтобы Коул нашёл Эдриана раньше нас. Эта встреча может иметь фатальные последствия. Поэтому я уже навестила Когтя и попросила его посодействовать. И если у него получится найти Эд-

риана, сказать мне об этом раньше, чем Коулу.

— Орден тебе, что ли, выписать… — протянул Велдон, и губы Эмирин дрогнули в улыбке.

— Выпиши. Когда всё закончится.

— А закончится? — он скептически поднял брови.

— Обязательно.

Честно говоря, иногда ему в это совсем не верилось. О своей жизни Велдон уже давно не думал, поэтому тихо попросил:

— Главное — Дамир должен остаться жив. Я частенько жалею, что отпустил его учиться в академию… Считаешь, не зря?

— Нет, Вел. Он останется жив. Я обещаю.

Император кивнул, а потом вдруг улыбнулся, вспомнив их последний разговор с наследником.

— Знаешь, зачем Дамир тогда приходил? Я-то думал, он что-то выяснил, а он… он просто хотел защитить Шайну. Просил меня её не обижать.

Эмирин негромко засмеялась.

— У меня появилось ощущение, что я какое-то чудовище, пожирающее девочек. Дамир пришёл ко мне почти к войне приготовившись, и я не понимаю… Разве я такой ужасный? Да, когда-то я обидел Триш, но это было очень давно и Дамир понятия не имеет о той истории.

— Вел… — Эмирин выпрямилась в кресле, поймала его взгляд и продолжила: — Он просто не понимает тебя. И от

этого он растерялся. Дамир всё-таки ещё очень молод, не забывай об этом.

Император усмехнулся.

— Наверное, ты права. В его возрасте у меня совсем не было мозгов. И ответственности такой тоже. Я слишком строг к Дамиру, да?

Эмирин не стала отвечать, просто чуть наклонила голову и хитро улыбнулась.

— А ты, Эм… Ты не будешь просить меня не обижать Шайну? Я давно жду этой просьбы… Но ты молчишь.

— Нет, Вел, я не буду просить тебя об этом. Я и так знаю, что ты её не обидишь. Ты же не чудовище, — сказала ректор академии магии, подмигивая внезапно развеселившемуся императору.

.

Чуть позже, возвращаясь из зала совещаний, Велдон вновь вернулся мыслями к Шайне.

Значит, Коул… Императору почему-то стало неприятно, когда он подумал, что она водила Коула в бордель, в котором выросла. Глупое чувство, похожее на собственничество и ревность — он никогда не страдал ничем подобным. Но мало того — к этому чувству примешивалась ещё и зависть. Велдон завидовал Коулу. Тот может ездить с Шайной по городу, сможет и ухаживать за ней, если захочет. А сам Велдон способен только сидеть в библиотеке и, притворяясь её хранителем, помогать девочке с учёбой.

Что ж, Коул — хорошая партия для Шайны. Даже, можно сказать, лучшая. Второй наследник Повелителя, как-никак.

Император наконец достиг своих покоев и, оставив стражу за дверями, вошёл внутрь. Пересёк небольшую гостиную и направился в спальню, но застыл на её пороге.

На кровати в развязанном платье, спущенном с одного плеча, сидела графиня Лизель — одна из придворных дам принцессы Даниты. Велдон несколько раз приятно проводил с ней время — графиня была молода, умна и очень красива. Светловолосая и голубоглазая, с белой кожей. Его бесило только одно — Лизель старательно пыталась во всём скопировать Эмирин, и это частенько раздражало.

Многие придворные дамы пытались сыграть на любви императора к ректору академии. Об этом его чувстве, разумеется, никто не знал точно, но все догадывались, ведь оно существовало слишком давно. В то время Велдон ещё не умел скрывать эти самые чувства, поэтому слухи ходили... и многие помнили о них до сих пор.

Поэтому теперь одни придворные дамы красили волосы и меняли цвет глаз, другие начинали носить белые платья и ходить босиком, третьи копировали жесты и улыбку. Велдону было смешно. На самом деле ему было безразлично, блондинка рядом с ним или брюнетка — женщин он делил совсем по другим признакам.

Одни женщины — такие, как графиня Лизель, — были хороши для постельных развлечений. Преимущественно од-

норазовых.

С другими было интересно разговаривать и вообще дружить. Такой была Роза Тарс.

А с третьими хотелось провести вместе жизнь. И раньше Велдон думал, что подобной женщиной для него навсегда останется Эмирин. Но… кажется, он ошибся.

— Ты что здесь делаешь? — спросил он спокойно, проходя в спальню и начиная расстёгивать камзол. Император ненавидел эти парадные камзолы, которые по этикету нужно было надевать на совещания — тёмно-красные, с золотыми петельками, кучей пуговиц и воротником-стойкой, они были способны удушить человека без верёвки и мыла.

— Хотела сделать вам сюрприз, — ответила Лизель, поводя плечом, отчего платье съехало сильнее. Красивое плечо, белое, как молоко. — Не ругайте стражу, пожалуйста, — они меня тщательно досмотрели, прежде чем пропустить сюда. И главный придворный маг тоже…

— В этой авантюре и Аравейн участвовал? — усмехнулся Велдон, сбрасывая наконец камзол. Теперь переодеть промокшую от пота рубашку, надеть более скромную жилетку — и готово. Советников на сегодня больше не предвидится, так что можно быть не при полном параде.

— Да, ваше величество. Он тоже считает, что вам нужно… отвлечься. — Лизель игриво усмехнулась, встала с кровати и стала дальше развязывать шнуровку спереди — император с интересом следил за её движениями. Развязала, спу-

стила платье до пояса. Под ним, к его удивлению, ничего не оказалось, кроме обнажённого тела.

Велдон вдруг подумал о том, как это нелепо — приходить к мужчине и предлагать себя. Что хуже — держать бордель, обеспечивая в нём все условия для того, чтобы девушки не умирали от болезней, или вот так бесстыдно обнажать грудь перед императором? За место во дворце, за подарки, за возможность выйти замуж. И ведь на таких женятся. Невзирая на то, что обычная шлюха, просто императорская. Но чем он отличается от других мужчин? Разве у него другая анатомия?

— Вам нравится? — с придыханием спросила Лизель, сделала шаг вперёд и положила его руку себе на грудь. Велдон задумчиво сжал розовую плоть, потянул, покрутил — и графиня застонала, задышала тяжело, закатывая глаза.

Почему так тошно? Ведь подобное с ним происходило всю жизнь, если не считать Триш. Ни капли искренности не было в этих стонах и закатанных глазках. Порой Велдону казалось, что его женщин больше возбуждает то, что он император, а вовсе не поцелуи и ласки.

Вдруг вспомнилась улыбка Шайны. И румянец на её щеках. И настоящее, неподдельное смущение. И глаза цвета предгрозового неба, которые смотрели на него как на человека, а не как на ходячий титул.

Император всегда считал: надо пользоваться тем, что предлагают. Но сейчас ему вдруг показалось — если пополь-

зуется, что-то потеряет. Не в Шайне, нет — в собственной душе.

Что-то, чего там и так осталось немного.

— В другой раз, Лизель. Уходи, — сказал Велдон ровно и спокойно, дождался, пока она молча оденется и выйдет из комнаты — возражать графиня и не подумала, дурой она не была, — и пошёл к шкафу с одеждой.

Когда-то очень давно Триш называла его романтиком. Наверное, она всё же была права.

Шайна Тарс

Матушка Роза сказала, что на встречу с Когтем Коул может прийти и без меня, но разве я могла пропустить это? Вот уж нет. Ни за что. Если бы его отец не был Эдрианом, возможно, я осталась бы в академии. Но мне было слишком любопытно, куда Эдриан делся. И не связано ли его исчезновение с убийством моей мамы? Точнее, Триш Лаиры.

Я очень хотела перестать называть её мамой. И это у меня получалось, когда я думала о ней как о Триш. Но стоило вспомнить нашу жизнь в Тихоречном…

Моя мама — убийца. И предатель. И трус. Но я почему-то всё равно продолжала её любить. И от этого злилась.

— Ты о чём думаешь с таким жутким лицом? — от громкого вопроса Коула я вздрогнула и чуть не свалилась с сиденья кареты.

Мы как раз вместе ехали в бордель, и по пути я мысленно рассуждала о том, кого мне больше хочется удавить — маму за то, что так поступила со всеми, или себя за то, что продолжаю думать о ней и любить её.

Ещё и этот Эдриан…

— О своём дне рождения, — искренне соврала я.

— А когда у тебя день рождения?

— Через две недели. И Данита… принцесса Данита собирается тащить нас в город праздновать. Я не хочу.

— Почему? — удивлённо спросил эльф. Как бы объяснить… Хотя Коул вряд ли сможет понять.

— Я не люблю всё это. Шумные компании, праздники, звон бокалов, смех. Я десять лет в борделе прожила, там каждый день так, понимаешь? Наслушалась.

— И насмотрелась? — протянул он язвительно, и я сдвинула брови.

— Зря я согласилась тебе помогать…

— Ладно-ладно, — Коул примирительно поднял руки. — Я просто пошутил, не обижайся. Я понял. Но это же другое совсем… Бордель борделем, но отпраздновать день рождения с друзьями — это ведь здорово. При наличии друзей, конечно.

— Ты о чём? — мне показалось, что эльф вновь попытался меня уколоть, но нет — Коул смотрел в окно, явно о чём-то задумавшись.

— Ну… У меня вот друзей нет, например, и праздновать

не с кем.

«Это из-за поганого характера», — подумала я, но вслух сказала:

— У меня тоже раньше не было друзей. А теперь… даже праздновать собираются…

Коул вдруг громко рассмеялся, и я посмотрела на него с недоумением.

— Извини, Шайна, но только ты способна огорчаться из-за подобных вещей. По мне, так гораздо хуже не иметь друзей, которые хотят тебя поздравить.

В чём-то он прав, конечно.

— Меня не пригласишь?

Видимо, я так долго удивлённо молчала, услышав этот вопрос, что Коул поспешил продолжить:

— Ладно, шучу… Обойдусь.

Нет, я дура всё-таки.

— Приходи, конечно. Почему бы и нет… — Но не подколоть его я не смогла: — Только я же айдоган? Не зазорно приходить на день рождения к шлюхе?

Эльф поморщился.

— Ерунду не говори.

— Почему ерунду? Можно подумать, ты извинился.

— А ты хочешь, чтобы я извинился? — фыркнул Коул. — Хорошо, изволь. Прости меня, Шайна, я был не прав и сожалею.

— Нет, — я покачала головой. — Это не извинения, про-

сто очередная насмешка. Извиняться надо либо искренне, либо не извиняться вообще.

— Ты сама попросила!

— Я не просила. Я поинтересовалась, не считаешь ли ты зазорным приходить на день рождения к айдоган.

— Слушай, — Коул неожиданно взглянул на меня так устало, словно я у него экзамен принимала, — чего ты от меня хочешь? День рождения айдоган — это недостойно и вообще позор, но можно подумать, ты к ним относишься. По тебе же видно…

Он вдруг запнулся, отвернувшись от меня.

— Что по мне видно?

— Что ты чистая, — буркнул эльф недовольно. — Как попка младенца.

Я фыркнула.

— Ну ты сказанул…

— Зря смеёшься. Тем более я маг Крови. — Коул кинул на меня такой многозначительный взгляд, что я поневоле начала заливаться краской.

Ну конечно, он должен чувствовать нетронутость. Если он сильный маг Крови… Сама я ничего подобного никогда не ощущала, наверное, потому что я девочка.

Зачем же он меня дразнил, если понимал это с самого начала? Всё же эльфы поголовно психи.

.

Когда мы приехали, дядя Коготь сидел на кухне и ел из

большой миски салат матушки Розы. Рядом стояли две здоровенные тарелки: одна с пирожками, другая — с мясом и картофельным пюре.

— Эх, дорогая, как же вкусно, — приговаривал он, наворачивая салат. — А вот и наша Шайна приехала со своим кавалером! Ну, проходите.

«Кавалера» немного скрючило от этих слов, но дядя Коготь не обратил внимания. Похлопал меня по спине, отчего я поперхнулась и закашлялась — рука у него была словно железная, — а потом, откусив большой кусок от пирога, произнёс:

— Рассказывай, дорогой, что у тебя там случилось. И подробнее.

Дядя Коготь на первый взгляд производил ужасающее впечатление. Лысый огромный мужик с большими ушами, в мочках которых торчала куча серёг. На самом деле это, конечно, были различные амулеты и артефакты… И Стальным Когтем его прозвали ещё за один артефакт — кольцо на указательном пальце левой руки, сделанное в форме птичьего когтя.

На самом деле дядя Коготь был неплохим мужиком. Немного грубоватый, но каких особенных манер можно ждать от официального главы столичных каторжников и преступников?

Коул говорил недолго. Стальной Коготь слушал внимательно, не перебивая. Потом задал эльфу несколько вопро-

сов и в конце концов сказал:

— Я всё понял. Если твой отец в Лианоре, мы его найдём. Если же нет, попробуем отыскать хотя бы его следы. Я не верю, что эльф мог исчезнуть бесследно.

— На Коула ещё покушение было недавно совсем, — влезла я, и однокурсник недовольно посмотрел на меня. — Чего глядишь? Это важно. Может, твой отец его и организовал.

— Не мог он, — процедил Коул. — Он…

— Разберёмся, — отрезал дядя Коготь. — В любом случае кто-то на тебя нападал. Найдём, допросим. А Шайна молодец, что сказала. Умом в мамку пошла.

Он имел в виду, конечно, матушку Розу, но я-то вспомнила Кару Джейл и Триш Лаиру… поэтому улыбнулась довольно криво.

— Спасибо, дядя Коготь.

— Не за что. Как найдём — поблагодарите. А пока… валите обратно в академию. Хватит лясы точить. У меня была тяжёлая рабочая неделя, хочется не только покушать, но и… интим по программе мне положен? А, Роза?

Коул, явно не привыкший к подобным разговорам за кухонным столом, слегка порозовел, я же только улыбнулась.

Когда дело не касалось меня, я почему-то совсем не смущалась.

— Положен, — матушка Роза хмыкнула.

— Тем более! Всё, идите. Как найду чего — свистну.

И мы ушли.

.

Наверное, мне не стоило приходить в императорскую библиотеку в воскресенье. В понедельник занятия, выспаться не получится… Просто хотелось увидеть Норда. Особенно после всех этих снов про Триш Лаиру. Он ведь тоже её знал.

Было около двенадцати, когда я прыгнула в портальное зеркало и очутилась в библиотеке. Там оказалось очень темно, и минут десять я простояла возле зеркала, ожидая, что Норд появится с минуты на минуту, как обычно. Потом не выдержала и села в кресло. На спинке лежал мягкий плед, и я укрыла им ноги — сразу стало намного уютнее.

Ещё через десять минут я разрывалась одновременно от стыда и обиды. Стыдно было, потому что вообще пришла, а обидно… Норд ведь взрослый мужчина. Наверное, он с какой-нибудь женщиной сейчас. С чего я вообще решила, что он будет прыгать ко мне каждый раз, как я прихожу? У него свои дела, своя жизнь.

Ревность вспыхнула во мне огненным столпом, ударила в голову и мозг. И я бы непременно ушла, если бы не Хель.

В тот момент, когда я собиралась встать и отправиться обратно в академию, она прыгнула ко мне на колени и ласково замурчала. Какое-то время я ещё смотрела на неё и, улыбаясь, гладила мягкую шерсть…

Но потом сон одолел меня — и я уснула.

Уснула, чтобы, проснувшись, увидеть прямо перед собой

тёмные глаза Норда.

Глава 2

Император Велдон

Страх… Странное чувство. Он не ощущал его по отношению к самому себе очень давно. Пожалуй, с тех пор, как умер брат — последний его верный друг после побега Триш и ссоры с Розой и Эмирин. Именно тогда Велдон окончательно перестал ценить собственную жизнь, изо всех сил пытаясь сберечь Дамира и Даниту. Единственное, что осталось от брата.

Данита всегда считала, что наследника император любит больше, но это было не так. Он любил обоих одинаково. Дамир был полезнее для империи — да, но полезность не имеет отношения к чувствам. И Велдон старался полностью обеспечить безопасность племянников, иногда, возможно, немного перебарщивая…

Вот и сейчас почти весь штат стражников растворился на территории академии, следя не только за Миром и Нитой, но и за остальными студентами. А Велдон отправился в город — впервые за два года. И взял в сопровождение только Эмирин.

— Если с тобой что-то случится, я тебя из-под земли достану, — пообещала она мрачно, и он засмеялся.

— Не случится.

— Надеюсь…

Когда Велдон вышел из кареты, ему показалось, что его словно из тюрьмы выпустили. Жаль, что нельзя погулять по городу… К Розе — и обратно.

Они постучались с чёрного хода. Не открывали долго, минуты три. Потом дверь распахнулась, и на пороге показалась девушка с кудрявыми рыжими волосами, одетая в красный полупрозрачный халат.

— Клиенты? — окинула она их удивлённым взглядом. — Если да, заходите с парадного. Этот вход для персонала.

— Мы не совсем клиенты, — Велдон шагнул вперёд. — Прошу вас позвать… матушку Розу. Мне необходимо с ней поговорить.

Девчонка прищурилась, насмешливо усмехнулась.

— А деньги у вас есть?

Закономерный вопрос: на императоре и Эмирин были чёрные неприметные плащи, вовсе не выглядевшие дорого.

— Разумеется. — Велдон достал из кармана кошель, раскрыл его и швырнул девушке золотой альтерр.

— Другое дело! — Голос её повеселел. — Тогда проходите… м-м-м… на кухню проходите, да. Посидите там. Я попрошу матушку Розу спуститься.

Она проводила их на кухню, поставила на стол вазочку с конфетами и печеньем и убежала.

Велдон не стал садиться, просто застыл посреди кухни, оглядываясь. Помещение было небольшим, но очень милым.

Ему сразу представилась Шайна, пьющая здесь чай, и он даже догадывался, на каком именно месте она всегда сидела…

— Сервис, — усмехнулся Велдон, кивая на вазочку с конфетами. Эмирин опустилась на стул в углу и ответила:

— Это не сервис, Вел. Знал бы ты, как они настоящих клиентов встречают.

— Нет, спасибо, как-то нет желания. А ты откуда знаешь?

— Я приходила осматривать дочь Розы, тогда и видела.

— У неё была дочь? — удивился император, и Эмирин едва заметно кивнула.

— Да. Ты правильно сказал — была. Умерла.

И только он хотел спросить отчего, как на кухню вошла Роза.

Розалин Тарс… Велдон помнил её совсем юной девушкой, чуть полненькой, с улыбкой от уха до уха. А теперь перед ним стояла взрослая женщина с горькими светло-карими глазами. Она ещё больше поправилась, но по-прежнему была очень красивой, только не улыбалась.

— Добрый вечер. — Велдон вслушался в голос: вроде бы прежний, и в то же время нет. Но он так и не смог понять, в чём отличие. — Чем могу помочь?

Император не стал отвечать, просто скинул капюшон.

Глаза Розы расширились, рот чуть приоткрылся, и она непроизвольно сделала шаг назад.

— Норд?! — воскликнула, но сразу же помотала головой. — Прошу прощения… Ваше величество…

Да, Роза тогда так и не привыкла называть его Велом. А после и вовсе перестала как-либо называть, кроме «ваше высочество» и затем «ваше величество».

— Можно без титула, Рози, — сказал император, улыбнувшись. — Я не знаю, рада ли ты меня видеть, но я тебя — очень.

Она слегка покраснела.

— Зачем же ты… сюда… я бы сама пришла…

— Это было бы неправильно.

Роза непонимающе нахмурилась и хотела что-то спросить, но тут заметила второго посетителя.

— А кто это с тобой?

Эмирин подняла руку и скинула капюшон.

— Добрый вечер, Розалин.

— Профессор Аррано… — пробормотала хозяйка борделя. — Какой сегодня странный день… Не иначе, я сплю…

— Нет, не спишь. — Велдон сделал шаг вперёд и поймал ладонь Розы. — Если хочешь, я даже могу тебя ущипнуть, чтобы ты убедилась.

— Спасибо, не стоит, — она усмехнулась, но ладонь не отняла. — Так… что случилось? Почему ты пришёл?

— Ничего не случилось. Я пришёл, потому что нужно было прийти давно. И попросить прощения. — Её пальцы в его руке дрогнули. — Я накричал на тебя тогда, наговорил глупостей. Извини, если можешь, Рози.

Она молчала несколько секунд, а после едва слышно ска-

зала:

— Я думала, что больше никогда тебя не увижу.

— Я тоже так думал.

— Я тебя ненавижу, знаешь?

Он улыбнулся, и Роза Тарс, хозяйка борделя и взрослая женщина, вдруг всхлипнула, а затем бросилась ему на шею.

— Я так рада, что ты пришёл… После того как сбежала Триш и мы поссорились, мне казалось, что мир рухнул.

— Прости. Я дурак.

Она засмеялась, отстраняясь, вытерла лицо ладонями.

— Мы все… не особенно умные. Да, профессор?

Велдон оглянулся и увидел, что Эмирин смотрит на них с Розой, улыбаясь. Он хорошо знал эту её улыбку.

— Нет, Розалин. Вы просто оступились и не сразу смогли подняться. Так бывает, когда больно.

Жаль, что он не попросил у Розы прощения раньше. Наверное, тогда было бы чуть легче жить.

— Ты можешь рассказать мне кое-что, Рози? Я должен знать…

— Про Риш? — она усмехнулась и опять шмыгнула носом.

— Почти. Про Кару Джейл.

Взгляд Розы наполнился удивлением.

— О-о-о, ты уже знаешь… Хорошо, я расскажу, но давай сядем. Я сегодня набегалась, устала… — Они опустились на стулья рядом друг с другом, и Розалин продолжила: — После

того как Риш исчезла, я пребывала в полнейшей растерянности. Ты со своими обвинениями и жутким рассказом, слухи о профессоре Аррано… Простите меня, Эмирин, тогда все вокруг говорили, что вы умираете… А Норд… то есть Вел утверждал, что это всё Риш виновата. Я не могла в это поверить, просто не могла. Но… она ко мне ведь так и не пришла, так и не рассказала правду. Просто исчезла, не попрощавшись. Но спустя два года Риш всё же пришла ко мне. Я тогда была в полном отчаянии, потому что мой муж и отец Эрли сбежал, стоило только врачам поставить девочке диагноз. Невосприимчивость к магии при слабом даре… Ты знаешь, что это значит?

Велдон кивнул. Подобные дети рождались крайне редко и обычно не доживали даже до пятнадцати лет. По сути, они умирали из-за магии, которая медленно убивала их изнутри. И вылечить подобное было нельзя — на таких пациентов не действовала никакая магия. В том числе и магия Разума.

— Я пыталась спасти Эрли, — тихо произнесла Роза с горечью, — даже Эмирин приглашала, но… не помогло. А муж сбежал, как только нам объявили диагноз, и больше я его не видела. Вот в этот момент и появилась Риш. Точнее, Кара… Она выглядела иначе, даже разговаривала со мной подругому. Сказала, что все твои слова — правда, что она действительно прокляла тебя, убила стражников и чуть не убила профессора Аррано. Я была в ужасе, Норд… Я ведь не верила в это, понимаешь? А тут она сама пришла и расска-

зала… Риш попросила меня об одной-единственной услуге. Поведала, что у неё есть драгоценность, и если с ней самой что-то случится, она просит меня позаботиться об этой драгоценности. Я думала, это какой-то артефакт, но оказалось, что это…

— Дочь.

— Да. Приёмная, но Риш относилась к ней как к родной. Я обещала, что позабочусь о её «маленькой Шани». И вдруг меня озарило. Я вспомнила, как ты просил у меня амулет Жизни Триш, и подумала, что вот он шанс — изменить своё плачевное состояние. Я спросила у Риш, могу ли отдать тебе её амулет Жизни, и она ответила — да. А взамен я попросила…

— А взамен ты попросила бордель, — Велдон засмеялся. — Я помню, Рози.

Она смущённо кашлянула.

— Шайна появилась в моей комнате восемь лет спустя. Маленькая девочка в одной ночнушке… Я полюбила её как собственную дочь. Я никогда не рассказывала ей о Риш. Она думает, что её маму зовут Кара Джейл и она была странствующим магом…

— Теперь Шайна знает правду, — вдруг сказала Эмирин. — Знает всё — ну, или почти всё — про Триш Лаиру и Кару Джейл.

— Как? — воскликнула Розалин, а Велдон просто поднял брови.

— Ей снились сны про Триш. Много снов. У меня есть предположение, что их насылал сам амулет. Правда, цель совершенно непонятна, но факт остаётся фактом — теперь Шайна в курсе про Триш.

Император только вздохнул. Он не знал, хорошо это или плохо. Может быть, когда-нибудь Шайна смирится с тем, кем была её мама, но сейчас ей наверняка очень больно.

— Бедная моя девочка! — воскликнула Розалин, почти процитировав его мысли.

В это мгновение Велдон даже похолодел, вдруг осознав — Шайна наверняка там, в библиотеке… Одна!

— Прошу прощения, — он встал из-за стола. — Скоро рассвет, и, я думаю, нам пора. Да, Рози? Тебе ведь тоже надо спать.

— Надо, — она улыбнулась. — Хотя чаще всего я делаю это днём.

— А раньше ты была жаворонком.

— Надо же, ты помнишь. Да, была. Все мы кем-то были, а теперь уже нет. С этим борделем в принципе не поспишь, а уж ночью — тем более!

Велдон не смог сдержать усмешку.

— Сама виновата, — подмигнул он Розалин, и с радостью услышал, как она смеётся.

По крайней мере, одно осталось прежним. Смех у хозяйки борделя был точно таким же, как раньше, когда она была студенткой магической академии.

.

…Шайна спала в кресле с ногами, накрывшись пледом, а на руках её кверху пузом лежала и мурчала от удовольствия нахалка Хель.

Первые лучи рассветного солнца уже касались волос девушки, гладили её лицо, губы и чуть подрагивающие ресницы. Велдон приблизился, стараясь ступать по полу как можно тише, и встал на колени возле кресла — так, чтобы его лицо было рядом с её.

«Милая, искренняя, трогательная девочка. Я очень рад тебя видеть, но почему же ты ходишь сюда ко мне? Проклятый император — не самая лучшая компания. Да, ты не знаешь, кто я такой, но что-то находишь здесь, из-за чего возвращаешься…»

Велдон знал, что это неправильно, но всё же поднял руку и осторожно коснулся волос Шайны. Хотелось большего — запустить в них руку, запрокинуть ей голову, обнажая беззащитную шею, и поцеловать. Но он не будет этого делать.

Щека… Сейчас, на свету, были видны мягкий полупрозрачный пушок и лёгкий румянец. Совсем небольшой и почти детский.

Губы… Пухлые, мягкие и сладкие даже на вид. Она наверняка никогда не целовалась. И как же хочется попробовать…

Велдон подался вперёд, намереваясь, конечно, не поцеловать — просто быть чуть ближе, — и тут Шайна проснулась.

Глаза её были сонными и немного мутными. Она облизнула губы и шепнула:

— Норд…

— Да? — император не стал отстраняться. Слишком близко, да, но он ведь ничего не делает…

— Я ждала тебя… И уснула… Как ты…

— Да. Как я. С добрым утром, Шани.

Она улыбнулась. Несколько секунд смотрела на него, а потом её глаза наполнились испугом.

— Утром?.. А сколько времени?

— Полшестого. Не волнуйся, до побудки ещё есть время.

Велдон всё же поднял руку и дотронулся — чуть-чуть, совсем легко, самыми кончиками пальцев — до её щеки. Она была очень тёплой и нежной.

Он почти сразу убрал ладонь, но Шайна всё равно начала краснеть.

— Тебе что-нибудь снилось?

— Сейчас нет. Но…

— Позавтракаешь со мной? — предложил император, вставая с колен и выпрямляясь. — Если не хочешь спать, конечно. Я, правда, ещё не ложился, но ничего, потом наверстаю. Или отправишься в академию?

Шайна покраснела сильнее. Интересно почему?

— Позавтракаю, — кивнула она и почесала подставленное пузо Хель, которая продолжала безмятежно спать у девушки на коленях.

Никогда раньше в чьём-либо обществе я не чувствовала себя так, как чувствовала с Нордом. Мне одновременно было и очень неловко, и волнительно, хотелось и уйти, и остаться. И сердце билось быстро-быстро, и краснела я гораздо чаще, чем обычно.

И хуже всего было то, что мне это нравилось. И я была страшно счастлива оттого, что не ушла, уснула в кресле и дождалась Норда.

О Дарида, неужели все теряют мозги, когда влюбляются?

Мне стоило признать это уже давно. Я действительно в него влюбилась.

Пригласив меня позавтракать, Норд куда-то ненадолго ушёл, а вернулся с подносом, полным разных вкусностей. Здесь были и булочки, и фрукты, и тарелка с сыром, колбасой и хлебом, и белый йогурт, и маленькая кастрюлька с кашей, и стаканы с чаем… Как он только это донёс?

— Ты что ешь на завтрак? — спросил Норд, поставив поднос на столик передо мной. Сел напротив и взял пустую тарелку в руки.

— По-разному, — ответила я. — Но вообще я кашу люблю очень. Мама приучила.

— Матушка Роза? — уточнил он, накладывая кашу в тарелку. — Или ты имеешь в виду свою настоящую маму?

Я сглотнула.

— Настоящую.

Он кивнул, передал мне тарелку и стал накладывать кашу уже себе. Потом взял кусок сыра и начал есть, заедая кашу сыром.

— Что ты так смотришь? Не пробовала? Попробуй, это вкусно.

— Я знаю. Мама тоже так ела. И я ем…

Норд внимательно посмотрел на меня, и я смутилась. Взяла в руки ложку и стала завтракать.

Каша была прекрасная, язык можно проглотить. В академии неплохо кормили, но это…

— Это чего, завтрак императора?

Норд поперхнулся.

— Почему?

— Вкусно очень. Я поэтому и подумала — может, ты этот завтрак с императорской кухни стащил?

Норд засмеялся, и мне почему-то показалось, будто он немного расслабился.

— Ну да, так и было. Ты догадливая, Шани. Я рад, что тебе нравится. Попробуй ещё булочки, их император тоже очень любит.

Булочки были не просто потрясающие — они были божественные. С разными фруктовыми начинками и мягким тестом, ароматные, чуть тёплые…

— Таких булочек даже матушка Роза делать не умеет, —

вздохнула я.

— Ты только ей этого не говори, — улыбнулся Норд, а потом спросил: — Ты ведь не просто так пришла ко мне сегодня? Хотела что-то рассказать?

Я закусила губу, сделала глоток чая. Конечно, я хотела рассказать, но как начать?

А потом я вдруг сообразила…

— Ты… ты ведь знал, что я — дочь Триш Лаиры?

Он не отвёл взгляд.

— Я догадывался, Шани. Вряд ли кто-то другой смог бы перенестись сюда через портальное зеркало. А потом, помнишь, я спросил тебя про родителей? Ты рассказала про маму, и я понял, что Триш наверняка взяла имя Кара Джейл. Эмирин подтвердила мои догадки, признавшись, что в академии никогда не было студентки с таким именем.

Мне стало жарко. О Дарида, я совсем забыла… ведь ректор тоже знает о том, чья я дочь. И не просто знает… наверное, она с самого начала это понимала. Как только услышала моё имя…

— Норд, — я сглотнула, — как ты думаешь… почему Эмирин… то есть ректор… почему она нюхала меня?

— Что? — он, кажется, слегка удивился.

— Когда она узнала, что меня зовут Шайной, то встала на колени и начала меня нюхать. Почему?

Норд на секунду задумался.

— Конечно, я не могу знать точно. Но предполагаю… Она

ведь в то время ещё не подозревала, что ты — приёмная дочь. Если бы ты была родной дочерью, Эмирин почуяла бы это.

— Да? — поразилась я. — Оборотни способны на такое?

— Не все. Эмирин способна. Но про амулет она тоже тогда не знала, а он блокирует любой родственный поиск. В том числе и нюх оборотней.

Да, я помнила, что сказала мне ректор в ответ на вопрос, как она узнала, что я — родственница Дрейка. «Догадалась». Не почуяла — догадалась.

Все вокруг о чём-то догадывались, одна я врала самой себе, боясь признаться в очевидном.

— А почему ты не сказал мне?.. Ну… что я дочь Триш…

Норд взял в руку одну из булочек, повертел, словно пытаясь найти самое вкусное место для откусывания, и задумчиво произнёс:

— Ты думаешь, так было бы лучше?

— Нет, — честно ответила я, и он вздохнул.

— Тогда хорошо, что не сказал. Шани… Помнишь, я спрашивал, разлюбила бы ты свою маму, если бы узнала о ней нечто плохое? Теперь как ты ответишь на этот вопрос?

Я отвернулась и поджала губы — отвечать мне совсем не хотелось. Было ужасно больно, как будто сердце в груди огнём сжечь пытались.

Конечно я не могла разлюбить маму. Но кто она — моя мама? Кого мне теперь любить? Триш Лаиру, убийцу и пре-

дательницу?

Проще признать, что у меня вообще нет матери. Но… у меня просто не повернулся бы язык.

Краем глаза я заметила, что Норд почти бесшумно поднялся с кресла, шагнул ко мне и… встал рядом уже с моим креслом. Встал на колени…

Я повернулась к нему лицом и смущённо выдохнула, когда он осторожно взял в свои руки одну мою ладонь. Нежно погладил, будто у него в руках была не обычная девичья кисть, а какая-то хрупкая драгоценность.

Мне стало невыносимо жарко. Захотелось сжать пальцы, чтобы лучше чувствовать… но я — я, выросшая в борделе Шайна Тарс, — не смела…

Какие у него тёплые руки. Тёплые, большие, сильные, и в то же время нежные. И надёжные.

— Шани, — сказал Норд тихо, не отрывая от меня ласкового, но напряжённого взгляда, — я понимаю, что ты чувствуешь. Конечно, это огромное разочарование. Когда я был маленьким, я считал своего отца идеалом, он казался мне лучшим человеком на свете. Но он умер, когда мне было не десять, как тебе, а двадцать с небольшим, и к тому времени я уже понял — идеальных людей не бывает.

— Но он ведь не был убийцей, — прошептала я и совсем глупо шмыгнула носом, вызвав у Норда лёгкую улыбку.

— Знаешь, это спорный вопрос, на самом деле. Но, чтобы разобраться, кем был мой отец, а кем не был, надо рассказы-

вать его биографию, а мне совсем не хочется. Суть в другом. Он — вот такой неидеальный и иногда очень меня раздражающий — любил меня и гордился мной. Понимаешь, что я хочу сказать, Шани? Какой бы ни была Триш — она тебя любила. Ты ведь знаешь это.

Знаю? Да, знаю…

Я люблю тебя. Что бы ни случилось в дальнейшем, помни об этом. Я очень люблю тебя, Шани. Больше жизни люблю.

Я всхлипнула.

Мама… ты ведь понимала — когда-нибудь я узнаю правду, поэтому и произнесла тогда эти слова. В надежде, что я вспомню.

И я помню. Но… как же это сложно…

Норд чуть сильнее сжал мою руку.

— Шани… не переживай, пожалуйста. Мне невыносимо это видеть.

Только я открыла рот, чтобы спросить почему, как он вдруг поднёс мою ладонь к своему лицу и поцеловал. Легко коснулся губами, словно это не ладонь была, а бабочка, с которой он боялся стереть пыльцу…

Я затаила дыхание и следила за его движениями с замершим от восторга и смущения сердцем.

После этого невесомого поцелуя Норд какое-то время смотрел на мою руку. Едва заметно улыбнулся, перевернул её — и коснулся губами запястья.

Никогда и никто. Из девочек. Борделя. Не говорил. Мне.

Что прикосновение. К запястью. Подобно удару молнией…

И я не сдержала странного и безумно чувственного вздоха. Услышав его, Норд поднял голову и посмотрел на меня глазами, полными какого-то дикого голода.

Но это длилось не дольше трёх секунд. Он моргнул — и всё исчезло.

Положил мою руку обратно на подлокотник, сел на своё место и тихо сказал:

— Время уходить, Шани. Тебе пора в академию. Побудка совсем скоро.

Я с трудом кивнула, всё ещё пребывая в смущённом состоянии. И, кажется, вновь начала заливаться краской…

— Ты придёшь на этой неделе? — спросил вдруг Норд.

— Приду, — прошептала я, краснея ещё больше, и даже глаза опустила. — Конечно, приду…

Разве я могу не прийти?

Император Велдон

Рассвет был необыкновенно ярким, пронзительно-оранжевым, с красными всполохами, будто там, на небе, горел большой костёр. Они с Хель стояли возле окна в комнате императора и наблюдали за медленно поднимающимся солнцем. Его лучи отражались в оконных стёклах, разбивались о них и золотили всё вокруг.

Кошка неторопливо ходила по подоконнику, подняв вер-

тикально пушистый серый хвост.

— Красиво, Хель.

— М-м-мрм, — ответила она и потёрлась головой о ладонь Велдона.

Он улыбался, сам до конца не понимая почему. Нет, наверное, он понимал. Но всё же… слишком невероятно. И безнадёжно. Поэтому…

— Не следует об этом думать, Вел, не следует, — прошептал император, поднял руку и дотронулся кончиками пальцев до губ, вспомнив, как поцеловал ладонь Шайны. И запястье.

Тогда, в тот самый момент, когда девушка сидела в кресле и в глазах её плескалась боль, Велдон просто хотел её утешить. Но затем…

Он ведь никогда и никому не целовал руки. Даже Эмирин. И Триш тоже. Удивительно, но император раньше об этом и не задумывался.

А теперь ему было приятно, что он смог подарить Шайне хотя бы такую малость, как поцелуй руки. Первый в его жизни поцелуй.

— О Дарида, Вел… Сколько тебе лет? Сорок или двадцать?

— М-м-мрм, — промурчала укоризненно Хель, и он засмеялся.

— Да, я знаю, малышка. Знаю, что возраст тут совершенно ни при чём… Только бы вовремя остановиться…

Велдон знал — не следует допускать большего сближения. Он должен остаться её другом, чтобы не сломать девочке жизнь.

Император, вздохнув, отошёл от окна, разделся и нырнул в постель. Он, конечно, всегда спал мало, но всё же совсем не спать — это самоубийство. Хотя бы пару часов вздремнёт.

Даже императорам надо спать, как бы странно это ни звучало.

.

Он сразу понял — это сон. Давным-давно Триш научила его отличать сон от яви, и с тех пор Велдон ни разу не ошибался. Впрочем, ему почти не снились сны последние двадцать лет.

Императорская библиотека была залита ярким солнцем, почти как тогда, когда Триш приснилась ему в прошлый раз. И сама она тоже была тут — ходила и рассматривала корешки книг, одетая в форменный плащ академии.

А император вновь не мог встать с кресла…

— Спасибо, что сказал, — произнесла вдруг Триш, поворачиваясь к нему лицом. И Велдон сразу понял, о чём она.

— Я просто сказал правду, Риш. Поэтому — не за что.

— Мне было важно, чтобы она вспомнила. Я надеюсь, это поможет ей простить меня. Она нравится тебе? — спросила Триш одновременно серьёзно и весело, подходя ближе. — Правда, нравится?

— Правда.

Она улыбнулась.

— Я рада. Я никого не любила так, как её. Даже тебя, Вел.

На этот раз Триш было видно гораздо лучше, поэтому император смог рассмотреть её и убедился, что у неё действительно больше нет красного глаза.

— Риш… твои глаза… Почему они карие? — спросил он тихо, и улыбка Триш слегка угасла.

— Это наказание.

— Наказание?

— Да. Ты ведь знаешь, Вел, магия Разума, которой я когда-то обладала, — это благословение. Но я потеряла своё благословение в ту ночь, когда убила тех стражников и ребёнка Эмирин. Я перестала быть магом Разума. И глаза стали карими.

Велдон кивнул — Триш подтвердила его догадку.

— Я хотела сказать тебе кое-что. Пожалуйста… найдите Эдриана. Это очень важно. Скажи Эмирин, что это важно.

— Мы понимаем. И ищем.

Она закусила губу, глядя на него с волнением.

— Будь осторожен. Тебе грозит большая опасность.

Император засмеялся, чувствуя, как начинает растворяться сон.

— Я справлюсь, Риш. В конце концов, не в первый раз.

Принцесса Данита

Принять решение оказалось просто. Она действительно хотела узнать, где Дамир, и Коул… Возможно, он сможет подсказать, как нужно правильно его искать.

Поэтому в понедельник после обеда принцесса поймала Коула в коридоре и шепнула:

— Надо поговорить.

Эльф окинул её насмешливым взглядом, ухмыльнулся.

— Тогда пошли.

В самом здании академии стражники за Данитой не ходили, и ей это страшно нравилось. Хотя она была уверена — они где-то тут, рядом, и если что — полезут из всех щелей. Но принцесса никого не видела, и подобное казалось благом.

— Заходи, — Коул распахнул перед ней дверь своей комнаты, и Данита поморщилась.

— Может, в библиотеку…

— Отличная идея. Ты же наверняка хочешь запустить новую сплетню, но на этот раз о себе. Принцесса дома Альтерр встречается с эльфом! Ах, какие страсти!

— То есть, ты считаешь, ходить к тебе в гости — это лучше?

— В коридоре никого нет. Просто заходи быстрее и прекращай разглагольствовать.

Принцесса усмехнулась и всё же вошла в комнату Коула. Огляделась — и её усмешка стала больше.

— Ну и свинарник у вас…

— Извини, не дворец, — развёл руками эльф. — Вон,

стульчик свободный. Почти. Скидывай одежду и садись.

Данита с сомнением посмотрела на стул, заваленный чьими-то шмотками. Венчали это безобразие чёрные трусы, положенные поверх остального вороха одежды.

— Твоё добро? — спросила она, грубо скидывая одежду на пол.

— Не-а, — ответил Коул, плюхаясь на кровать. — С соседями не очень повезло. Вчера нашёл ремень Стейна у себя под подушкой, чуть не задушил его им… Так о чём ты хотела со мной поговорить, высочество?

Высочество нахмурилась, посопела.

— Ты обещал помочь найти Дамира.

— Я пока ничего не обещал. Но готов посодействовать. Раз уж ты сама с такой ерундой не справляешься.

— С ерундой, — процедила Данита. — Много ты понимаешь. Ты нашего ректора совсем не знаешь. Это наверняка она его спрятала… Дамира небось теперь родная мать не узнает.

— Учитывая, какая дрянь ваша мамаша, думаю, она и тебя не узнает, хотя тебя никто не прятал. — Принцесса поморщилась, но Коул не обратил внимания. — Что же касается твоего братца… Ректор, конечно, гений. Это бесспорно. Но ты же сама понимаешь — она бы не стала ломать Дамира.

— Что значит — ломать?

— То и значит. Она могла бы стереть ему воспоминания и вложить в башку новые. Смена внешности — понятно, но

Эмирин вполне по силам сделать из кого угодно что угодно. Колоссальная сила эта магия Разума…

— Завидуешь? — фыркнула принцесса.

— Немного. Есть чему. Она могла бы сидеть на троне вместо твоего дяди, понимаешь? Но почему-то предпочитает торчать в своём лесу и заниматься проблемами академии… Впрочем, я отвлёкся. У твоего брата, несмотря на иную внешность и, несомненно, поддельные данные о совершенно другой личности, должно было остаться нечто такое, что ректор не стала менять или убирать. Просто потому, что она, например, может об этом не знать. Или не считает нужным корректировать. Подумай, принцесса… возможно, твой брат знает или умеет то, что больше никто не знает или не умеет.

Данита думала с минуту, а потом её лицо озарилось и глаза заблестели.

— Да… Да, кхарт тебя дери! Слушай, ты гений.

Коул только хмыкнул.

Наследный принц Дамир

С Шайной явно что-то происходило, только он не понимал что. Она постоянно о чём-то думала, но ничего не рассказывала. Утешало лишь то, что на его вопрос, замешан ли тут хранитель библиотеки, Шайна ответила кратким «нет». И Дамиру очень хотелось в это верить.

Во вторник первокурсники, как всегда, с нетерпением ожидали лекции ректора. Все были в диком восторге от Эмирин и жалели, что она не ведёт у них ещё и практику. Все, кроме, пожалуй, Дин.

— Мама — страшный зверь, — сказала она им с Шайной. — При всей своей странности, Араилис Нерида гораздо мягче.

Дамир понимал, что имеет в виду Дин. Когда их с Данитой чему-либо обучал дядя, он тоже казался им намного строже остальных учителей. Если остальные драли с наследников одну или максимум две шкуры, то император — три или даже четыре.

— Добрый день, тема сегодняшней лекции, — сказала Эмирин, заходя в аудиторию, — преобразование Источника силы. Вы все наверняка помните определение Источника, но я всё же повторю. У каждого мага есть определённый магический резерв — количество силы, которое он может потратить на одно или несколько заклинаний. Затраченную силу можно восстановить, если поесть, выспаться или — при слишком большом расходе — выпить специальное зелье. При этом каждый маг, извлекая из себя энергию, способен получать нити силы только определённого вида. Это и называется Источником. Их всего шесть — Огонь, Вода, Воздух, Земля, Свет и Тьма. Чем с большим количеством Источников умеет работать маг, тем ему легче в построении своих заклинаний. В остальных случаях Источник при-

ходится преобразовывать. Маг, владеющий только Тьмой, не сможет осветить комнату, если не научится преобразовывать Тьму в Свет. Всем всё ясно?

Это были основы, которые Дамир проходил ещё в раннем детстве. Поэтому наследник слушал Эмирин вполуха, при этом с интересом наблюдая за Шайной.

Она смотрела на ректора как-то странно. Словно была перед ней в чём-то виновата.

— Большинство магов умеют работать с одним-двумя Источниками. Три-четыре — уже редкость. Пять-шесть — редкость ещё б*о*льшая.

— Простите, профессор, — поднял руку какой-то студент с задних рядов, — но вы ведь не назвали в числе Источников магию Разума…

— Разум не является Источником, так как его сила неисчерпаема и её невозможно преобразовать во что-либо другое. Поэтому всё верно. Источников шесть.

— А магия Крови? — спросил тот же студент.

— Магия Крови по классификации относится к Источнику Тьмы. Маги Крови обязательно используют Тьму, но не все маги, владеющие Тьмой, могут практиковать заклинания с использованием магии Крови. Это понятно?

— Да, профессор…

— Тогда дальше. Кто из присутствующих владеет одним Источником?

Руки подняла примерно треть аудитории. В том числе и

Шайна — она владела только Тьмой.

— Два Источника?

Ух, как много рук.

— Видите? По статистике, большинство магов владеют именно двумя Источниками. Теперь — у кого три Источника?

Дамир потянул руку вверх — он владел всеми стихиями, кроме Земли. В отличие от него, Данита умела работать только с Огнём и Водой.

И только наследник поднял руку, как понял, в чём просчитались Эмирин и дядя Велдон.

Три Источника было всего у семи студентов из девяноста. Кхаррт!

Зато остальные шестеро оказались мальчиками…

— Прекрасно. Четыре Источника?

Пусто.

— Пять?

То же самое.

— Шесть?

Никого.

— Простите, профессор, — вновь подал голос тот же студент с задних рядов, — а насколько часто рождаются маги, владеющие всеми шестью Источниками?

— Крайне редко. За всю историю существования академии здесь училась только одна такая студентка. — Ректор вдруг повернула голову, и Дамиру показалось, что она по-

смотрела на Шайну. Чуть улыбнулась, едва заметно кивнула. — Её звали Триш Лаира. Это была очень талантливая и добрая девочка. Владела всеми шестью Источниками, магией Крови и Разума.

По аудитории прошёл взволнованный шёпот, а Шайна резко побледнела.

— А где она сейчас?

— Погибла. К сожалению, даже настолько сильные маги не застрахованы от предательства. Но продолжим. Преобразование Источника силы осуществляется…

Шайна опустила голову и сжала что-то, висевшее у неё на шее под платьем. А Дамир вдруг осознал…

Раньше он припоминал только одно: дядя Велдон упоминал имя «Триш Лаира», а теперь наследник наконец вспомнил, с чем это имя было связано.

Именно Триш Лаира наложила на Альтерров проклятье рода.

Так… и при чём тут Шайна?

.

За обедом самой радостной из всех оказалась Данита. Она просто цвела и пахла.

— Что случилось? — спросил у неё Эван с интересом. — Какие-то вы все… разные. Ты счастливая, остальные не очень. А Шайна вообще будто в трауре.

Полуэльфийка поморщилась, а сестра ответила:

— Да так, нащупала слабенькое место в плане по упряты-

ванию от меня Дамира.

Наследник смущённо кашлянул.

— Это какое же? — протянула Дин будто бы лениво, но глаза её чуть пожелтели.

— Я всё думала, как бы это вызнать. А ректор сама на лекции разговор завела… У Дамира же три Источника! Три! У нас на курсе таких студентов всего шестеро, если не считать Мирру.

Правильно. Не надо Мирру считать.

Дин задумчиво размешала суп, съела ложку, а затем спросила:

— А с чего ты вообще взяла, что твой брат у нас на курсе?

— В смысле? — нахмурилась Данита.

— В прямом. Почему Дамир должен быть первокурсником? Ведь вас самые лучшие учителя обучали. Может, его на второй курс упрятали?

— Кстати, вполне возможно, — кивнул Эван. — Там в этом году десять студентов-новичков. По обмену из Мирольской академии. И все мальчики.

Дамир чуть не расхохотался. Тётя Эм, всё же ты гений…

Лицо у Даниты вновь стало несчастным.

— А зачем тебе его искать? — вдруг спросила Шайна. — Если спрятали — значит, так надо.

Принцесса явно разозлилась, начала говорить:

— Спрятали! Ладно бы, от других, но от меня?!

— И потом, — продолжила Шайна, будто бы не слышала

возмущения в её голосе, — если бы наследник хотел, чтобы ты его нашла, он бы дал о себе знать. А если не даёт — значит, не хочет.

Глаза Даниты наполнились слезами, и Дамиру безумно захотелось утешить сестру. Но он даже слова не успел сказать — она бросила ложку, которую до этого держала в руке, на поднос, встала и проорала:

— Вот именно! В этом всё дело! Он не хочет!! Но я же его сестра! — всхлипнула и побежала к выходу из столовой.

Наследник готов был бежать за ней, но… не стал. Иначе все старания дяди Велдона и Эмирин вновь станут напрасными.

Уже в дверях Данита вдруг обернулась, стёрла слёзы со щёк, подняла руки к потолку — и от одной стены до другой выросла радуга. Трёхцветная.

Это был удар ниже пояса, и принцесса знала об этом. Они играли так, когда были совсем маленькими, — Данита создавала три первых цвета, а он — четыре последующих. «Радужный мостик» — так они называли эту игру.

«Если тебе станет грустно, сделай такую радугу, — говорил Дамир сестре тогда, — а я продолжу. И ты будешь знать, что я с тобой».

Он просто не мог иначе…

И секунду спустя под потолком висела уже не трёхцветная, а самая обычная радуга. И принцесса смеялась, оглядывая столовую и явно пытаясь отыскать взглядом того, кто до-

строил радужный мостик.

Но не находила. Конечно, ведь она искала среди мальчиков…

Глава 3

Шайна Тарс

В ночь после лекции по прикладной магии я не ждала снов. Но увы — у моего подсознания были свои планы.

Перед тем, как уснуть, я всё прокручивала в голове слова ректора.

«Это была очень талантливая и добрая девочка».

«К сожалению, даже настолько сильные маги не застрахованы от предательства».

Говоря это, Эмирин смотрела на меня. И мне теперь ужасно хотелось встать и пойти к ней, чтобы задать целую кучу вопросов…

За что Триш убила её ребёнка? Почему не попросила прощения? Кто убил её саму? Почему амулет, который висит у меня на шее, так важен?

Я не понимаю, я ничего не понимаю… Я чувствую, что мама была замешана в чём-то ужасном, и я теперь тоже замешана. Может быть, это связано со спрятанным принцем Дамиром?

Амулет… «Никогда не снимай его, Шани…»

Почему?!

Ох, мама…

*

Я не была раньше в этой комнате. Небольшое помещение, широкая кровать с балдахином. Но запах дерева был мне знаком… да и женщина, что лежала на этой кровати.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил мужчина, стоявший посреди комнаты. Он был очень богато одет — камзол с вышивкой и золотыми пуговицами, штаны из дорогой ткани, широкий пояс с металлическими вставками и пряжкой с гербом правящей династии.

Черты лица этого мужчины были резкими, но привлекательными, особенно глаза — тёмные, похожие на глаза Норда. А волосы седые, хотя старым он совсем не казался.

Эмирин чуть приподнялась на постели, прижала к губам платок, кашлянула. На платке осталось пятно крови.

— Лучше, Рейзор.

Рейзор… Где я слышала это имя?.. Что-то страшно знакомое…

— Нарро не хотел меня пускать, — мужчина усмехнулся. — И сказал: если после моего визита тебе станет хуже, то он собственноручно вырвет мне сердце, невзирая на моё императорство.

Точно! Император Рейзор! Отец нынешнего императора Велдона.

Ну ты даёшь, Шайна. В истории разбираешься даже хуже, чем в боевой магии.

— Извини его, — сказала Эмирин, вновь кашлянув — на платке появилось ещё одно пятно. — Он просто переживает.

— Что у тебя с регенерацией?

— Её сейчас нет. Через пару дней должна восстановиться, но пока нет.

— Чем же Триш в тебя запульнула?.. — пробормотал император, и я наконец поняла: это происходило сразу после побега мамы.

Эмирин открыла рот, чтобы ответить — но опять закашлялась. На платке уже не осталось ни одного белого пятнышка. Она взяла новый, вытерла губы.

— Одним из немногих заклинаний, которым меня действительно можно убить. «Паутина Смерти». Будь это кто-то другой, не Триш, я бы отбила, но от неё я просто не ожидала.

Император поджал губы.

— Тогда ты поймёшь мою просьбу, Эм. Велдон в отчаянии, и я, честно говоря, тоже. Все придворные маги пытались найти Триш, но не смогли. Помоги нам.

— Нет, — к моему удивлению, Эмирин покачала головой. — Прости, Рейзор. Я не буду этого делать.

Он вздохнул. В отличие от меня, император явно ждал подобного ответа.

Но… почему ректор не захотела искать Триш?

— Я мог бы приказать тебе, но знаю, что это бесполезно. Тебе всегда было плевать на любые приказы.

— Мне не плевать, Рейзор. Но есть множество причин, по которым я не буду искать Триш.

— Назови хотя бы одну.

Эмирин улыбнулась, кашлянула, вновь окрасив кровью платок, и ответила:

— Возвращаться должен тот, кто уходил. Я не буду за ней бегать. Для меня она ничего не может сделать. Что же касается Велдона… он сам справится с проклятьем, я уверена.

С каким таким проклятьем?! Мама что, ещё и кого-то прокляла для полного счастья?!

Нет, не кого-то. Велдона!

— Ты так думаешь?

— Справится, Рейзор. Он справится. — Эмирин откинулась на подушки и закрыла глаза. — А теперь, прошу, оставь меня, если не хочешь в ближайшие дни искать нового хранителя для Лианорской академии.

Кажется, император хотел сказать что-то ещё, но не стал. Развернулся и вышел из комнаты.

А я проснулась.

*

Нет, сегодня я ни к кому не пойду. Всё, хватит мучить других своими проблемами. Да, очень хочется поговорить с Эмирин, но у неё и так полно забот. Норд вообще скоро сможет приклеить себе на грудь надпись «Персональная нянька Шайны Тарс». А Дрейк… он неплохой, на самом деле неплохой. Но мне пока не хочется делиться с ним своими переживаниями. Совсем не хочется.

Дин и Мирра спокойно спали. Обе лежали на спине и чуть слышно посапывали. Мой взгляд почему-то ненадолго за-

держался на рыжей, и я нахмурилась: что-то в ней было не так, неправильно. Всегда было, но особенно это ощущалось почему-то ночью.

Какая-то навязчивая мысль билась у меня в черепе, стучала о его стенки, но я никак не могла понять, в чём дело. Ладно. Потом подумаю.

Я легла обратно на постель и закрыла глаза, надеясь, что больше мне в эту ночь ничего не приснится. Слава Дариде, так и случилось.

*

А на следующий день была среда, а значит — боевая магия. И Коул.

На самом деле мне было уже гораздо легче общаться с этим эльфом. Всё же он обещал меня не оскорблять и держал слово. Хотя я замечала, что даётся ему эта вежливость ой как тяжело.

— Так, — сказал магистр Дарх, подходя к нам в начале занятия, — меняем схему действия. Родос, стройте щит-«стену» разного уровня — от двенадцатого до седьмого. Это предельный уровень для Тарс, запомните.

Коул едва слышно фыркнул. У него предельным уровнем был четвёртый, но, по-моему, это вовсе не повод для гордости. В конце концов, количество силы — это всего лишь количество силы. Быть мастером своего дела гораздо круче. Эмирин он точно не победил бы, несмотря на свой четвёртый уровень.

— Если она сможет повторить все шесть щитов по три раза, зовите меня, скажу, что делать дальше.

И магистр ушёл, оставив нас с Коулом строить щиты.

Впервые в жизни мне удалось поразить эльфа, когда я действительно смогла повторить все шесть щитов по три раза.

— Что это с тобой случилось? — недоумевал Коул, а я не знала, что ответить: можно говорить, что я занимаюсь с Дрейком дополнительно, или нет? Вдруг это секретная информация?

— Просто я не настолько тупа, как ты думаешь.

Решила всё же не говорить. Лучше сначала спросить у магистра.

— Я не думаю, — пробурчал Коул и больше ничем не интересовался. А я, несмотря на свои сравнительные успехи в построении щитов, ждала вечера с небольшим страхом и нетерпением. В ту ночь, когда я пила эльфийскую перцовку в личной комнате Дрейка и обсуждала с ним Триш Лаиру, что-то изменилось. Совсем чуть-чуть, но…

Давай же, Шайна. Признайся! Тебе ведь на самом деле хочется, чтобы магистр полюбил тебя как дочь. Хочется же!

— Как у вас дела? — спросил Дрейк, подходя к нам с Коулом. Я как раз строила последний щит седьмого уровня. Слегка дрогнула, когда магистр встал рядом, но удержала всё-таки.

— Шайна повторила все шесть щитов по три раза, магистр…

— Очень хорошо. Тогда начинайте строить щит-«клетку». С двенадцатого уровня. Родос, какой максимальный уровень «клетки» вы можете построить?

Эльф слегка порозовел.

— Пятый, — немного подумал и добавил: — Нет, всё же шестой.

— Ладно, — Дрейк иронично хмыкнул. — Тогда пытайтесь строить с двенадцатого по седьмой. Вряд ли у Шайны даже двенадцатый уровень сегодня получится, но тем не менее.

Мне стало обидно. Чего это у меня не получится двенадцатый уровень? Очень даже получится…

Но магистр был прав, как ни прискорбно оказалось это признать. Щит-«стена» строился по четырём направляющим точкам, а «клетка» — минимум по двадцати четырём. Сложно… И это только самый лёгкий уровень построения!

— Я боюсь представить, что творится на первом уровне щита-«паутины», — пробормотала я, в очередной раз убедившись, что мой щит надо называть не клеткой, а решетом.

— Лучше даже не представлять, — сказал Коул, пытаясь вытянуть моё дырявое нечто в удобоваримую «клетку». Я в свою очередь пыталась повторить и запомнить его действия. Но…

В один прекрасный момент я плюхнулась на пол и, вздохнув, заявила:

— Я не понимаю, зачем мне вообще этим заморачивать-

ся… Я же абсолютно безнадёжна как боевой маг.

— Да ладно тебе, — протянул Коул, плюхаясь рядом.

— Скажешь, нет?

Он чуть замешкался.

— Видишь ли… у тебя просто нет к этому предрасположенности. Ну и желания тоже. С таким настроением, разумеется, гениальным боевым магом ты не станешь, но оно тебе ведь и не надо, да?

— Не надо, — подтвердила я, а потом задумалась: интересно, а Дрейк хотел бы, чтобы я… Нет, глупость.

— В боёвке важнее всего количество силы и тренировки, оттачивание мастерства. Да и то первый пункт при должном мастерстве не играет роли. А тебе всего-то и нужно, что сдавать экзамены. Справишься.

Он немножко подумал и добавил:

— Мы справимся.

— Мы?..

— Ну… да. Я же твой… напарник, как-никак.

Мне почему-то показалось, что Коул хотел сказать другое слово. Не «напарник», а «друг». Но правильно, что не сказал, — другом я его пока не считала.

— И чего вы расселись? — раздался над нами раздражённый голос магистра Дарха. — Может, вам ещё корзинку для пикника принести? Встали немедленно!

Мы переглянулись, а потом поднялись на ноги и продолжили экзекуцию под названием «Боевая магия».

*

Я надеялась, что вечером Дрейк вновь окажется занят и не позовёт меня. Перенесёт занятие или вовсе его отменит.

Малодушно, Шайна.

Магистр, конечно, ничего не отменил, наоборот, после общих тренировок поманил меня к себе и напомнил, что вечером ждёт на полигоне.

Дин с Миррой решили посвятить этот вечер ничегонеделанию и отправились гулять по парку академии, а я в это время пошла на очередные занятия по предмету, который никогда не смогу полюбить.

— Поздравляю тебя, Шайна, — сказал Дрейк почти сразу, как увидел меня, и я вздрогнула: забыла уже, что он недавно начал называть меня на «ты». — Ты делаешь успехи.

— Разве?

— Конечно. Щит-«стена» получается у тебя довольно-таки прочным, осталось только научиться строить его побыстрее. Но это потом отточим. Теперь же «клетка»… Покажи, как ты её строишь.

Я вздохнула, подняла руки — строить щиты без поднятых рук могут только очень крутые маги — и начала. Одна точка, вторая, протянуть линию… Третья, четвёртая — протянуть линию… Пятая, шестая — протянуть линию…

— Стоп, Шайна. Коул ничего не говорил тебе по поводу построения?

— Говорил. У меня линии дрожат и рвутся.

— Это понятно. Но собственно про алгоритм, порядок действий — ничего не говорил?

Я помотала головой, и Дрейк вполголоса пробормотал что-то вроде: «Вот так и ставь их в пару». Потом подошёл ближе, остановился рядом и сказал:

— Я сейчас буду строить и попутно объяснять. А ты смотри внимательнее. Постараюсь помедленнее.

Он тоже поднял руки, наверное, чтобы мне было нагляднее.

— Ты строишь щит вот так. Сначала одна точка, потом вторая, затем вытягиваешь линию и переходишь к следующим точкам и линиям. Из-за этого твои линии дрожат и рвутся. Видишь? Мои тоже дрожат. То есть ты в корне неверно строишь щит, Шайна. Нужно поставить сначала все точки сразу, а потом точно так же сразу прочертить все линии.

Я смотрела на это, раскрыв рот.

Поставить все направляющие точки сразу?! Двадцать четыре?! И это только самый слабый уровень построения щита-«клетки»!

— Я не смогу, — прошептала я, покачав головой, и магистр слегка нахмурился.

— Сможешь, разумеется. Это несложно.

— Но я и две точки с трудом ставлю… А тут двадцать четыре!

— Да, двадцать четыре. Шайна, почему это так тебя пугает? Всего лишь силовые направляющие точки, не более.

Останавливать кровь или сшивать ткани гораздо сложнее.

Я на секунду оторопела от подобного сравнения.

— Но… двадцать четыре!

Он улыбнулся. Совсем немного, но почему-то очень тепло.

— Ты справишься. Давай попробуем начать с двух точек. Глубоко вздохни и ставь.

Ну, две — не двадцать четыре. Вздохнула, поставила.

— Теперь протяни линию. Хорошо. Развеивай. Ставь четыре точки.

Четыре получились довольно легко, и линии между ними тоже. А вот с шестью пришлось помучиться — вышло только с третьего раза. Восемь силовых точек дались мне на пятый раз, десять — на двенадцатый, а собственно двенадцать не давались никак.

Точнее, точки-то ставились, а вот линии между ними я провести уже не могла.

Я даже расстроилась. Очень хотелось порадовать магистра, поразить его своими умениями, и после первых успехов я приободрилась, но…

— Не переживай, Шани, — сказал вдруг Дрейк, и от этого имени я вздрогнула и отвела взгляд. — Всё получится. Просто нужно тренироваться. Обещай мне каждый день немного тренироваться перед сном, ладно? Думаю, за неделю ты одолеешь двенадцатый уровень щита-«клетки».

Я кивнула, немного смущённая теплотой его голоса.

— Магистр… а можно спросить?

— Конечно.

— Вообще вы нам запрещали задавать подобные вопросы… — почти прошептала я, и Дрейк засмеялся.

— Ты про деление на пары?

Я кивнула.

— Ну, тебе я могу сказать. Всё очень просто. Есть студенты очень слабые, есть сильные, есть средние. В самом начале мы ставим сильных со слабыми, чтобы подтянуть их уровень, а средних — со средними. Есть ещё кое-какие тонкости вроде направленности дара и работы с Источниками. Слабым студентам лучше подбирать партнёров с теми же Источниками, поэтому тебе и достался Коул. Потом, конечно, будете меняться почти постоянно. Но первый партнёр закрепляется как основной. — Он взглянул на меня хитро, даже ехидно, и добавил: — То есть от Коула тебе не избавиться.

Раньше я, наверное, обиделась бы, но теперь во мне как будто что-то переломилось. Я ясно видела: Дрейк совсем не хочет меня обидеть, просто подтрунивает.

Так надо мной подтрунивала мама… очень давно.

— Да я и не стремлюсь. Мы, кажется, поладили.

— Я рад, — сказал магистр серьёзно. — Это важно во время обучения, Шайна. Но я и не сомневался, что ты найдёшь с ним общий язык.

Он не сказал «вы найдёте», он сказал — «ты».

И я от радости чуть не расплылась по полу полигона…

— Ладно, на сегодня всё. Завтра жду тебя у себя в кабинете, проведём занятия по проклятьям вместо пятницы. Упражнения для того, чтобы видеть метку, делала?

— Ага.

— Молодец. Тогда свободна.

*

Моему сознанию — и подсознанию — уже было бесполезно что-либо говорить. Я и не пыталась. Подождала, пока Дин и Мирра заснут, быстренько оделась и выскользнула в коридор.

Завтра четверг, занятия, лучше бы выспаться… Но я хотела увидеть Норда. Хотя бы пятнадцать минут. Просто посмотрю на него — и обратно в академию.

Наивная…

Он пришёл почти сразу, как я выпрыгнула из портального зеркала, и выглядел очень уставшим. Даже щетина пробивалась, чего я раньше не замечала.

— Прости, — сказала я вместо приветствия, смущённо потупившись. — Я помешала.

— Нет. — Норд покачал головой, улыбнулся, включил в библиотеке тусклый свет. — Я рад тебя видеть, Шани. И Хель рада. Да, Хель?

Маленькая серая кошка запрыгнула в кресло, в котором я сидела в прошлый раз, и начала мурчать.

— Мне надо уйти, — вырвалось вдруг у меня. — Но совершенно не хочется.

— Тогда не уходи. Посиди со мной немного. У меня был сложный день. У тебя тоже?

Я кивнула, секунду поколебалась, но всё же прошла дальше, приблизилась к креслу, взяла на руки Хель и села. Кошка замурлыкала сильнее, а Норд опустился на сиденье напротив, по-прежнему тепло улыбаясь.

Как же я хочу поцеловать эту улыбку.

Я так остро подумала это, что мне показалось, будто я это сказала. Но нет, конечно нет.

— Сегодня строили с магистром Дархом щит-«клетку» двенадцатого уровня. Пока у меня не получается.

— Почему?

— Там двадцать четыре точки… а я могу построить только десять. Двенадцать уже не даются.

Я рассказала Норду о своей проблеме, и он, как всегда, слушал очень внимательно. Серьёзно смотрел на меня, и от его взгляда почему-то было жарко губам.

— Как ты строишь этот щит? Покажи.

Я вздохнула, моргнула несколько раз, расслабляя глаза, сосредоточилась…

Двенадцать точек поставить получилось легко, но линии, как всегда, дрожали и рвались.

Когда последняя линия исчезла, Норд понимающе кивнул.

— Я понял. Знаешь, у меня когда-то была та же проблема… Дело в концентрации. Разумеется, если тренироваться,

думаю, через пару недель ты сможешь осилить щит-«клетку» своего предельного уровня.

— Через пару недель…

— Это довольно быстро, Шани, — улыбнулся хранитель библиотеки. — Но, если ты хочешь, я попробую помочь тебе. Дрейк учит вас по классической методике, меня же… учили не по ней.

— А это не опасно? — я посмотрела на него с сомнением. — А то с учётом моих несомненных «талантов» к боевой магии как бы я тут всё не развеяла ко кхарртам…

— Развеять дворец императора, боюсь, так же «легко» и «просто», как и Лианорскую академию магии, — хмыкнул Норд. — Тут максимум книжки попадают. И то вряд ли. Так что, показать тебе способ? Только встать придётся.

Колебалась я недолго. В конце концов, глупой Шайне по-прежнему хотелось поразить магистра Дарха.

Мы с Нордом поднялись на ноги почти одновременно. Он понимающе улыбнулся, встал рядом и начал рассказывать.

— По классической методике сначала ставятся направляющие точки, а потом одновременно проводятся линии. При этом в случае с недостаточной практикой возникает так называемый эффект дрожания. В итоге линии исчезают. Происходит это из-за того, что неопытному боевому магу оказывается сложно концентрироваться сразу и на направляющих точках, и на линиях. А теперь смотри, как учили меня.

Наверное, Норд специально замедлил построение щита,

чтобы я успела рассмотреть процесс. Но я всё равно не сразу поняла, что совершенно не вижу никаких направляющих точек… Он будто бы сразу начал строить линии!

— Но это ведь неправильно… — пробормотала я. — Нас учили, что нужно сначала ставить границы… Это как забор…

— Как забор, — кивнул хранитель библиотеки. — Но ты ведь можешь сначала построить дом, Шани, а потом уже выстроить вокруг него забор. Так и здесь. Сначала рисуешь линии, а когда понимаешь, что всё, — ставишь направляющие точки. Однако дело не только в этом. Тебе нужно научиться брать из Истока силу не постепенно, а сразу. Поэтому сначала попробуем с тобой сделать следующее: отделяешь из Истока комочек силы — пока произвольный — и превращаешь его в щит-«клетку». Буквально растаскиваешь. Понимаешь, что я имею в виду?

— Кажется, да, — протянула я не совсем уверенно.

— Магия, из которой ты создаёшь щит, — всё равно что кусок глины. Когда ты занимаешься с Дрейком, отщипываешь по маленькому кусочку. Я предлагаю сразу отломить большой кусок и создавать «клетку» из него. Растягивать. Так понятнее? Попробуешь?

Я кивнула, передёрнула плечами, сосредотачиваясь. Как там… сразу большой кусок. Ага…

Удивительно, но так действительно оказалось легче. Комочек сияющей Тьмой силы легко растянулся в сетку уже с

третьего раза. И точки поставились… все двенадцать!

— Тебе надо преподавать в академии, — сказала я Норду твёрдо, любуясь на очень даже симпатичный щит. Дрейку понравится. — Я, наверное, тогда бы даже полюбила боевую магию.

Он рассмеялся и покачал головой.

— Боюсь, Шани, я давно выбрал свой путь… Хочешь дальше пробовать или оставишь магистру Дарху хотя бы что-то? — Норд хитро прищурился, и я тоже улыбнулась.

— Оставлю. Тем более что я хотела тебе кое-что рассказать. Ещё в прошлый раз. Но… забыла.

Да уж, Шайна. Забыла она…

Зато ты прекрасно помнишь Норда, целующего твоё запястье.

Дурочка, дурочка Шани…

Император Велдон

Какое-то странное, глупое ощущение. Ты просто сидишь и смотришь на неё. Что тут такого?

Почему же ты чувствуешь себя до безобразия счастливым? Что она здесь, что говорит с тобой, что смущается.

Глупо.

Хочется схватить в охапку и унести к себе в комнату. Больше ничего — только пусть будет рядом. Как бальзам на его сердце и душу.

Шайна рассказывала императору про свои сны о Триш, сидя в кресле напротив. Сначала — про то, как Риш поздравляла Эмирин с днём рождения, а затем — про Эдриана.

Велдон улыбнулся, когда Шайна поведала о ботинках под платьем. Да, это было в духе Риш…

А потом она рассказала про разговор на скале… И император почувствовал, как на него накатила растерянность. Да, он знал, что Эдриан его ненавидел, но не подозревал о любви эльфа к собственной сестре.

— Ты уверена, что всё правильно поняла? — спросил Велдон, и Шайна кивнула.

— Уверена. Да и я видела это по его глазам. Но дело не только в этом… Ты что-нибудь слышал о заклинании «Подчинение Крови»?

Велдон медленно кивнул.

— Да, Шани. Слышал.

— Мама… то есть Триш его разработала? До конца?

— Я… — император секунду колебался, не зная, говорить или нет. Но всё же решил сказать. — Я не знаю этого точно. Она не рассказывала. Но скорее всего — да.

— А Эдриан… он умер?

— По официальной версии, умер.

— А по неофициальной?

Велдон улыбнулся.

— Я думаю, что он жив. Вот только… Шани, я хочу попросить тебя кое о чём. Пожалуйста, не ищи его. Пусть Коул

сам. Это его отец. А ты не вмешивайся.

— А откуда ты знаешь… про Коула… — Она запнулась. — И что я ему помогала… — Она вновь запнулась. — Впрочем, глупый вопрос… Наверняка, раз в академии сейчас учатся и принц, и принцесса, следят за всеми без исключения студентами.

— Да, именно так. И я понимаю, что не имею права просить тебя о чём-либо… но всё же прошу. Пожалуйста, не ищи Эдриана. И вообще не лезь в эту историю.

— Это опасно?

Император кивнул.

— Ладно. Я постараюсь.

Как же сильно Шайна отличалась от его племянницы. Для той подобные просьбы всегда были пустым звуком. Велдон лишь надеялся, что в будущем Данита повзрослеет.

— Но это ещё не все сны.

Запинаясь, она рассказывала, как поняла, что её мама и Кара Джейл — одно лицо. Поведала про сон, в котором Триш делала амулет на крови Эмирин, потом — про накопители силы или «грибочки-светлячки», как их называла её мама. И наконец — про последний сон, когда Риш вывалилась из силового портала на берегу какой-то реки.

Велдон слушал Шайну и едва заметно хмурился.

Эмирин сказала, что эти сны на девушку насылает сам амулет. Но почему именно эти сны? Они чем-то важны? Для кого? Может, в них содержится какая-то подсказка?

— Шани, — проговорил император задумчиво, как только она закончила, — повтори-ка ещё раз. Когда Риш вышла из силового портала, она была…

— Грязной и в крови.

— Грязной и в крови… — протянул он. — Это интересно.

— Почему?

Потому что Триш не была грязной, когда покидала дворец в тот вечер. И никакой крови на ней не должно было быть. Её тогда так и не ранили.

Получается, она куда-то направилась, где, скажем так, испачкалась и пролила кровь. И куда? Кто её испачкал? И ранил? Или это была не её кровь? И почему ей пришлось бежать от этого кого-то аж силовым порталом?

Велдон устало потёр глаза. Теперь он знал ответы на эти вопросы. Благодаря одной крошечной ошибке того, кто десять лет назад убил Риш, император теперь знал всё…

Или почти всё.

— Просто интересно, Шани. И тоже очень опасно.

— Не расскажешь? — Кажется, она слегка обиделась.

— Я не могу, — ответил он честно. — Если я расскажу, придётся оставить тебя жить во дворце.

Шайна начала краснеть, и это было так мило и забавно одновременно… Будто он и правда предложил ей жить, только не во дворце, а с ним.

— Тогда хотя бы объясни то, что касается непосредственно меня, — сказала она сердито, словно пытаясь отвлечь са-

му себя от смущения. — Амулет. Я не понимаю, для чего он нужен, кроме прохождения через портальное зеркало. Триш во сне хотела создать нечто против магии Разума, и, судя по всему, ей это удалось, только амулет защищает лишь от магии Разума Эмирин. Так?

— Так, — кивнул император.

— Но в чём его ценность? Почему мама просила меня никогда его не снимать? Словно он какой-то особенный. Однако… даже с учётом защиты от магии Разума, это слишком мало для подобных обещаний. И я чувствую, что чего-то недопонимаю.

Велдон задумался.

Он ведь задавал такой же вопрос Эмирин. Но она тогда сказала, что это не имеет отношения ко всем покушениям, ничего толком не объяснив. Только заплакала, когда он спросил про Кару Джейл.

— Я не знаю. Я не всезнающ, увы. Но, я думаю, это связано с тем, что ты видела в своём последнем сне.

— Он был не последний… — пробормотала девушка. — Но последний я тебе чуть позже расскажу. Сначала про амулет, это интереснее. Я не понимаю, что ты имеешь в виду…

— Ты помнишь, что видела? — Велдон дождался её кивка и продолжил: — Это были два ритуала. Последний — ритуал по изменению внешности. И изменение это невозможно засечь. Тоже одно из гениальных изобретений Триш. Засекреченное, кстати. А ритуал перед ним… Я понятия не имею,

что всё это значит, но догадываюсь, где можно посмотреть. Повтори, что тогда говорила Риш.

Шайна нахмурилась, закусила губу, словно припоминая.

— «Эйярейз лори». Три раза повторила. И ещё — «кара джейлнеррит». Тоже три раза.

— Первое — это по-эльфийски, а второе — древнее наречие оборотней. Две фразы, продолжающие друг друга, но на разных языках.

— И что они значат?

— «Эйя» — душа. «Рейз» — долг. «Лори» — что-то вроде «признание», «признаю».

— «Долг души признаю…» — прошептала Шайна, глядя на Велдона огромными непонимающими глазами.

— А «кара джейлнеррит» — «долг крови моей». Это какой-то ритуал, Шани, — пояснил император ещё раз. — Скорее всего, тёмноэльфийский. Я понятия не имею, что он означает. Но, если хочешь, давай попробуем порыться в книгах и найти ответ.

— Хочу! — она даже в кресле подпрыгнула. — Я думаю, мой амулет как-то связан со смертью мамы. Я должна знать, в чём его сила.

— Хорошо. Тогда поищем. Ты ещё хотела рассказать мне о своём последнем сне. Там ты что увидела?

Пока Шайна рассказывала, Велдон думал о том, какой деликатный способ выбрал её амулет для того, чтобы поведать хозяйке о проклятье правящего рода. Будто бы щадил её чув-

ства. Девушке, конечно, было неприятно смотреть на умирающую Эмирин, но это всяко лучше, чем та же Эмирин, только ссорящаяся с Велдоном.

Он тогда очень некрасиво себя повёл. Впрочем, как и в случае с Розой Тарс.

— Это правда? — спросила Шайна тихо, когда закончила. — Мама прокляла… действующего императора?

— Прокляла. Но не только императора, а весь его род. Проклятье бесплодия — на весь род, и проклятье безбрачия — собственно на Велдона. — Он едва заметно усмехнулся. — Так что наш император — дважды проклятый, Шани.

В груди что-то сдавило.

Нет, ему уже давно не было больно за себя. И теперь тоже. Но Шайна… она такого не заслужила.

«Не нужно было сближаться. Когда она узнает, будет переживать».

— А… зачем?

— Что зачем?

— Зачем она его прокляла?

— Тут скорее не зачем, а почему. Триш была обижена на Велдона. Он действительно её обидел, и очень сильно. Вот она и сорвалась.

Шайна отвела глаза, закусила губу и прошептала:

— Я не верю, что можно сделать нечто такое, из-за чего нужно настолько срываться… Несколько смертей, проклятье правящего рода… Это очень, очень плохо.

Так. Пожалуй, хватит на сегодня.

Велдон встал с кресла, подошёл к Шайне и подал ей руку.

— Давай в следующий раз это обсудим, — сказал он мягко. — А сейчас, я боюсь, уже слишком поздно для подобных разговоров. Да и у тебя завтра занятия.

— Угу, — вздохнула она, оперлась на его ладонь и встала. Но так и не отпустила его руку.

Велдон тоже не спешил это делать. Стоял и смотрел, как наливаются краской её щеки. И как лихорадочно блестят серые глаза.

Император поднял вторую руку, осторожно прикоснулся пальцами к подбородку — и чуть улыбнулся, когда Шайна прикрыла глаза и приоткрыла губы.

Так невинно. Она ведь сделала это не специально… Но настолько чувственно, что он едва не сорвался.

Сжал зубы — до боли, до хруста.

Нельзя. Сломаешь. Погубишь.

Он опустил руку. Шайна открыла глаза — и в них он увидел разочарование.

«Прости, девочка… Наверное, когда-нибудь ты поймёшь…»

— Идём, я провожу тебя.

— Да, идём… — Грустный, потерянный голос.

Велдон подвёл Шайну к портальному зеркалу, выпустил её ладонь из своей руки и сказал, стараясь, чтобы голос звучал мягко и спокойно:

— Доброй ночи, Шани.

— Доброй… — прошептала она неуверенно, а потом вдруг вскинула голову, словно на что-то решившись: — Норд, я…

— Нет, Шани. — Император вновь поймал её руку, перевернул — и поцеловал запястье. Но совсем не так, как в прошлый раз. Долго, жарко… — Иди, я прошу тебя.

— Норд… — почти стон.

— Иди.

Она всхлипнула, но всё же развернулась и запрыгнула в портальное зеркало.

Что ж, Велдон, ты молодец. Ты всё делаешь так, как обещал.

Но… почему же тогда так плохо?

Глава 4

Шайна Тарс

Я вывалилась из портального зеркала, дрожа всем телом, с бешено колотящимся сердцем. Я дрожала с ног до головы…А запястье, которое поцеловал Норд, пульсировало и горело.

Мне рассказывали… там, в борделе… что иногда, если мужчина очень нравится, ты чувствуешь что-то особенное… Но сейчас мне даже сравнивать не хотелось те рассказы с собственными ощущениями.

Мне хотелось другого. Было стыдно, безумно стыдно, и до ужаса жарко в груди. А внизу живота вообще… словно пожар…

Я не могла уйти. Стояла и смотрела на мутную поверхность портального зеркала, отражающую бледное лицо с лихорадочным румянцем на щеках, странно блестящие глаза и чуть влажные губы.

Это неправильно, Шани. Он же сказал — иди…

Но я не хочу уходить. Не хочу…

У меня тоже есть право выбирать. И я… выбираю…

*

Я сама не поняла, как вновь запрыгнула в зеркало. Это бы-

ло мимолётное полубезумное решение, продиктованное не головой, а чем-то другим.

Я не очень хорошо представляла, что собираюсь делать. Сразу броситься Норду на шею? Предложить себя? Или вообще начать раздеваться?

Я знала одно — просто не могу уйти. А что дальше… решу на месте.

Но ничего решать и не пришлось. Как только я вышла из портального зеркала и заозиралась по сторонам в поисках Норда, то сразу же заметила стоявшую возле наших с ним любимых кресел Эмирин. И собственно Норда.

Они смотрели на меня с откровенным удивлением.

Я потеряла дар речи. Эмирин… что здесь делает Эмирин?

Ректор пришла в себя первой. Улыбнулась — мягко и как-то понимающе — и сказала:

— Добрый вечер, Шайна. Точнее, добрая ночь.

— Почему ты вернулась? — спросил Норд с явным беспокойством в голосе и взгляде. — Что-то случилось?

Если до этого момента я всего лишь смущалась, то теперь сгорала от этого самого смущения. Вернуться к мужчине в подобном состоянии и застать его с другой женщиной… Нет, конечно, ректор сюда пришла точно по иной причине, но это неважно.

Да и вообще… студентам ведь нельзя ходить по академии по ночам. А уж ходить по ночам по императорской библиотеке им нельзя тем более.

— Ничего, — вздохнула я, чувствуя, как пылают щёки. — Всё… нормально. Я… просто. Профессор, а… у меня теперь первое дисциплинарное предупреждение?

Эмирин на секунду задумалась.

— Знаешь, Шани… В правилах написано про коридоры академии и ночное по ним передвижение. А мы сейчас находимся не в академии, верно?

— Верно. Но…

— Я думаю, что могу просто закрыть глаза. А когда открою — тебя здесь уже не будет. Сделаем так?

Норд фыркнул и сложил руки на груди, иронично поглядывая то на меня, то на Эмирин. И делать мне было нечего — пришлось кивнуть, соглашаясь, и в четвёртый раз за сегодня запрыгивать в портальное зеркало.

Наверное, всё к лучшему. А то наделала бы ты глупостей, Шани. А так ректор тебе помешала, и теперь всё останется по-прежнему.

Да, наверное. Но почему-то горько и обидно.

А ещё… зачем она пришла к нему ночью? Жгучая ревность пополам с безумным интересом просто разрывали меня на части.

Так много тайн… И чем дальше — тем их больше.

Эмирин Аррано

Когда Велдон позвал её, она не спала. Дрейк давно уснул,

утомлённый собственной страстью, а она всё лежала и думала.

«Что же ты, дурачок, делаешь? Зачем влюбился? Знаешь меня так долго — а туда же…»

Проклятье… конечно, во всём виновато оно. Вытащило эти чувства, усилило до невозможности. Хотя… она тоже виновата. Не прямо, но косвенно. Всегда ведь рядом с ним, делает всё, что он хочет, лишь бы не погиб.

Эмирин чувствовала уже сейчас, что характер отношения к ней Дрейка во время вспышек метки проклятья изменился. Раньше он был одержимым, ничего не соображал и причинял ей дикую боль, получая собственное удовольствие. Теперь же… он наслаждался ею вполне сознательно. Безудержно и дико — да, но теперь в глазах Дрейка отражался он сам, а не непонятное одержимое чудовище.

Конечно, Эмирин от этого было лучше — к любителям боли она себя никогда не относила. Но самому Дрейку…

Она вздохнула и осторожно погладила друга по щеке. Даже во сне он улыбнулся и прижался к её ладони.

В этот момент Велдон и позвал Эмирин. Браслет на её руке нагрелся и начал обжигать запястье. Она тихо встала с постели, оделась, поминутно оглядываясь на Дрейка.

— Опять? — Он всё-таки проснулся. Повернулся, открыл один глаз и недовольно посмотрел на неё.

— Опять.

Почему-то захотелось рассмеяться. Забавная детская рев-

ность… У Велдона была точно такая же много лет назад.

— Он вообще спит когда-нибудь? — проворчал Дрейк, и Эмирин фыркнула.

— Спит. И ты спи. Я скоро вернусь.

— Ладно.

Он отвернулся, накрылся одеялом с головой. А ректор Лианорской академии активировала амулет переноса.

Ноздри Эмирин затрепетали почти сразу, как она оказалась в императорской библиотеке. Запах… тонкий, пряно-сладковатый запах желания разливался в воздухе, смешанный с горьким ароматом разочарования и безнадёжности.

Она сразу поняла, кому принадлежал этот запах. Точнее, запахи. Велдону… и Шайне.

Значит, она ушла только что. И сразу понятно, в каком состоянии. Практически в таком же, в каком сейчас пребывал император.

Глаза у него лихорадочно блестели, дыхание было тяжёлым, а поза — напряжённой.

— Добрый вечер, Вел, — сказала Эмирин мягко. Как жаль, что он больше не восьмилетний мальчик, и она не может подойти и просто погладить его по очень талантливой, но бедовой голове.

— Добрый, Эм, — император вздохнул. — Извини, я вспоминаю про время, только когда уже активирую амулет вызова. И вечно дёргаю тебя по ночам.

— Ничего. Я понимаю.

— У меня куча новостей, даже не знаю, с какой начать. Наверное…

Велдон вдруг запнулся и чуть повернул голову, уставившись на внезапно задрожавшую поверхность портального зеркала. Эмирин тоже обернулась — и успела заметить, как оттуда выходит взволнованная раскрасневшаяся Шайна.

Она так интересно пахла. Столько оттенков чувств… У Эмирин даже голова закружилась.

Да, хорошо, что Велдон не оборотень. Он бы не выдержал. Подобное может выдержать только камень.

Она вдруг вспомнила своего мужа — и едва заметно улыбнулась. Да, он бы выдержал…

— Так что ты хотел мне рассказать? — спросила Эмирин, вновь оборачиваясь к Велдону, когда Шайна ушла. Тот смотрел в почти переставшую дрожать глубь портального зеркала, непонимающе хмурясь.

— Почему она возвращалась? — пробормотал император тихо, и Эмирин в который раз поразилась, насколько слепы становятся влюблённые по отношению друг к другу.

— Здесь правильнее было бы спросить «к кому». К тебе, Вел.

Он нахмурился сильнее, посмотрел на неё и покачал головой.

— Я не трону эту девочку, Эм. Сама понимаешь почему.

— Понимаю, — кивнула она. — Но и ты её пойми. Она

ничего не знает. Ты не хочешь ей рассказать?

— Нет. Я… можешь осуждать меня, но я просто не могу. Представляешь? Я не думал, что в нашем мире осталось хоть что-то, чего я не могу. Оказывается — осталось.

— Вел… Даже у меня осталось то, чего я не могу. А я всё же намного старше тебя.

Император задумчиво смотрел в лицо Эмирин, словно пытаясь что-то там найти. Усмехнулся, потом рассмеялся — очень тихо и как-то безнадёжно — и признался:

— Я больше не хочу поцеловать тебя, Эм. Всегда хотел, ты же помнишь, как я вырывал у тебя эти поцелуи, когда был подростком? А теперь… не хочу.

— Это должно было случиться, — спокойно сказала Эмирин. — И если бы не поступок Триш, то со временем ты всё понял бы.

— Нет, — произнёс вдруг Велдон твёрдо, и ректор удивлённо подняла брови. — Не её поступок. Мой.

Эмирин прерывисто вздохнула, сделала несколько шагов вперёд и положила руку императору на грудь. Он сжал её обеими ладонями и улыбнулся.

— Тебе удивительно слышать подобные вещи от меня?

— Нет, Вел. Не удивительно. Радостно.

Они стояли так ещё несколько мгновений — Велдон прижимал её ладонь к своей груди и улыбался, глядя в серьёзные глаза с кружащимися вокруг зрачка ярко-жёлтыми искорками. Удивительное ощущение понимания наполняло обоих.

Эмирин радовалась, что он наконец её разлюбил, а император только теперь понял, что она всегда его любила. И эта любовь никогда не была меньше его собственной. Просто она была иной.

— Что ты хотел мне рассказать?

Велдон мотнул головой, возвращаясь в реальность. Сел в кресло, дождался, когда Эмирин опустится напротив. И начал рассказывать.

Про сны Шайны. Про свой собственный сон с Триш. И про её просьбу найти Эдриана.

— Ты сможешь, Эм?

Она нахмурилась, раздумывая.

— Я не знаю. Магия Разума — не панацея, ты же знаешь. А Риш, конечно, научила Эда многим штучкам, которые наверняка смогут мне помешать. Но я сделаю всё возможное.

Велдон помолчал.

— Он действительно её любил?

— Любил. И любит, я полагаю.

— Так вот почему он всегда меня так ненавидел. А я-то гадал…

— Да. Именно поэтому.

— Бедняга. А про амулет Шайны ты мне ничего не расскажешь?

— Нет, — она покачала головой. — Если я расскажу сейчас, это будет… неправильно.

— Ну, я примерно представляю, — Велдон усмехнулся.

— Триш наверняка придумала какую-нибудь штуку с этим амулетом. И именно из-за этой штуки Шайне снятся сны.

— Шайне снятся сны в первую очередь потому, что она сновидец. А амулет просто направляет их в нужное русло. Но при этом… знаешь, я полагала поначалу, что Шайне снится только то, что видела Триш. Но то, что ты рассказал, даёт мне понять — нет. Риш не могла видеть меня с Рейзором. В комнате никого не было, кроме нас с ним.

— И что это означает?

— Иногда, очень редко, от соприкосновения с магией Разума сновидцы начинают видеть направленные сны. Перед сном Шайна сама задаёт вопросы — и получает на них ответы.

— С магией Разума? А откуда…

— В амулете, конечно. Это была теория Триш, и она сработала. «Подобное убивается подобным», — Эмирин усмехнулась. — В амулете моя магия, Вел. Магия Разума. Не только, конечно, этого мало, чтобы блокировать воздействие… Триш туда столько всего намешала. А когда поняла, что натворила, сама испугалась.

— Почему?

— По двум причинам. Во-первых, амулет оказался неуничтожаемым. А она, поверь, пыталась его уничтожить. По второй причине. И это единственное, что я могу тебе сказать относительно его ценности… — Эмирин запнулась, закусила губу и заговорила медленно, словно подбирая слова: — Если

надеть этот амулет мне на шею, он убьёт меня. Триш, сама того не желая, создала вещь, способную уничтожить одного из самых сильных магов современности. Именно поэтому она всё время носила этот амулет и никогда не снимала.

— Риланд знает? — выдохнул Велдон, сжимая подлокотники кресла. — А Эдриан?

— Нет. Точнее, так — я надеюсь, что нет. По крайней мере, Триш обещала мне, что никому не расскажет.

— Хорошо. Кхаррт…

— Ничего, Вел. Я в любом случае не вечна. Но не будем об этом больше… Я сама должна рассказать тебе ещё кое-что. Относительно наших дорогих наследников и их ближайших вылазок в город.

— Так-так. Я слушаю.

*

Эмирин ушла от Велдона примерно через час, потратив это время на уговаривание императора отпустить Даниту и Дамира на празднование дня рождения Шайны.

Велдон всегда не любил риск, если дело касалось наследников. Сам он готов был проходить через любые испытания, только детей трогать не желал.

Надо было возвращаться в свою комнату, но Эмирин не хотелось. Скоро рассвет, и Дрейк… он обязательно захочет взять её на рассвете.

Не сегодня. Пусть потерпит до вечера. Ей нужна передышка.

Поэтому ректор перенеслась не в свою спальню, а в кабинет. Выскользнула в коридор, с усмешкой подумав о том, что сама нарушает правила, — и пошла дальше, собираясь пересидеть время до побудки в библиотеке академии.

Но, когда она проходила мимо комнаты Араилис, дверь вдруг распахнулась, и оттуда послышался голос её заместителя:

— Заходи, Рин.

Араилис давно привыкла называть её «Рин» — ей нравилось именно такое сокращение, и Эмирин не возражала. Эм, Ри, Рин, Эмил, Аля — какая разница? У мужа любимым было «Ро» — имя из прошлой жизни, которое он иногда шептал ей на ухо в минуты страсти. Как же давно она его не слышала…

— Будешь чай?

— Буду. А ты что не спишь? Опять видения?

— Опять. Время такое — каждый день что-нибудь вижу.

Эмирин устало опустилась на диван перед маленьким столиком, где стоял заварочный чайник, полный ароматного чая. Тут же были приготовлены чашки, сахар для Араилис — сама Эмирин всегда пила пустой чай, — сушки, печенье, конфеты.

— Сладкоежка, — вздохнула ректор, принимая из рук собеседницы чашку чая. — Не расскажешь, что видела?

Это был традиционный вопрос, и за ним следовал такой же традиционный ответ:

— Нет, конечно.

Араилис никогда не рассказывала, что видит, — это был её принцип.

Ну, или почти никогда.

— Тогда хотя бы скажи мне, есть ли у нас шанс победить.

— Есть. Так же, как и проиграть. Но «победа» — понятие относительное.

— Что ты имеешь в виду?

Араилис взяла в руку печенье, откусила кусочек и блаженно сощурила прозрачно-голубые глаза.

— У Велдона большой шанс погибнуть.

Эмирин резко выдохнула, чуть не уронив чашку.

— Ты же знаешь, я не позволю…

— Вот именно, — усмехнулась Араилис, глядя на неё спокойно и испытующе, — как бы ни был велик шанс погибнуть у Велдона, у тебя он ещё больше, Рин.

Шайна Тарс

Весь следующий день я была рассеянной. Думала обо всём сразу — и о том, что за ритуал провела Триш над моим амулетом, и об Эмирин, пришедшей к Норду ночью, и о собственном глупом возвращении в библиотеку. Теперь, при свете дня, решение запрыгнуть в портальное зеркало во второй раз действительно казалось каким-то особенно идиотским.

На лекции по мировой истории я так и не смогла собрать себя, пропускала всё сказанное преподавателем мимо ушей. И на практике тоже с большим трудом сосредоточилась.

А после обеда был практикум по прикладной магии, и вот там клевать носом уже не получилось. Араилис Нерида не из тех преподавателей, которые могут позволить студентам спать на своих занятиях.

Она показывала нам простейшие упражнения на преобразование Источника силы. Тьму в Свет, Свет в Тьму, Огонь в Воду, Воду в Огонь, и так далее. Подобных упражнений оказалось очень много.

— Магистр, — поднял руку один из студентов из группы боевиков, — а можно узнать, почему кому-то легко преобразовывать, например, Свет в Тьму, а вот Свет в Огонь уже не получается?

Мне это тоже всегда было интересно. Я могла легко преобразовать свою Тьму в Свет и в Огонь, а вот остальное было практически недоступно. Но это и не особенно важно для целителей, поэтому я никогда не заморачивалась.

— Очень просто, Шевер. — Как она так быстро нас всех запомнила? — Есть две любопытные теории насчёт преобразования Источника силы. Первая — легче всего преобразовываются противоположности. Если вы владеете Огнём, то сможете преобразовать его в Воду. Это для вас лично будет проще, чем остальные преобразования. А вторая теория — в каждом маге дремлет ещё по меньшей мере один Источник.

— Как это? — хором спросили сразу несколько студентов.

— Очень просто. Дар проявляется обычно в детстве, но возраст проявления у всех разный. У кого-то это будет восемь лет, у кого-то год с небольшим. И проявляется обычно самый сильный Источник. Один или несколько. А второй — или, если Источников несколько, последний — глушится. Знаете, так бывает у птиц. Вылупляются двое птенцов, и более сильный скидывает более слабого из гнезда. Так и здесь.

Мы все серьёзно задумались. Получается, во мне дремлет Огонь?..

— Яркий пример, кстати, — наши наследники. Принц Дамир владеет тремя Источниками, а принцесса Данита — двумя. Воздух у неё отсутствует. Но… ваше высочество, вам ведь наверняка довольно просто преобразовывать Огонь и Воду в Воздух, верно?

— Да-а-а, — ошеломлённо пробормотала Данита.

Магистр Нерида улыбнулась.

— Эта теория не очень распространена и не описывается в учебниках, поэтому вы о ней не знаете. Дело в том, что пробудить дремлющий Источник всё равно невозможно, и к чему тогда рассуждать?

— Совсем невозможно? — пробормотал кто-то позади меня очень разочарованным голосом.

— Совсем. По крайней мере, специально. Иногда, но крайне редко, какие-либо события провоцируют мага на пробуждение Источника, вот только заканчивается это

обычно плохо.

Кажется, я догадываюсь почему…

— Вспышка неконтролируемой силы — это весьма разрушительно. Если вспыхивает Огонь, маг сжигает сам себя. Если Вода — он может вызвать сильнейшее наводнение. Земля — землетрясение, Воздух — ураган. А если пробуждается Тьма или Свет, маг сходит с ума. Или у него свернётся кровь, что, в общем-то, не лучше. Подобное называется инициацией и действительно происходит крайне редко. Если рядом не будет мага, способного погасить вспышку Источника, то летальный исход неизбежен.

Интересно… получается, именно это и произошло с Триш тогда, в детстве? Инициация. Вспышка одновременно всех Источников. Как же она выжила? И как Эмирин умудрилась её спасти? Наверное, сама чуть концы не отдала, вытаскивая мою маму с того света…

Получается, Триш была обязана Эмирин жизнью. Я всегда это предполагала, но то, насколько обязана, поняла впервые.

А мама убила её ребёнка. За подаренную жизнь она отняла у Эмирин её ребёнка.

«Долг души признаю…» Может быть, в этом всё дело?

Но… я всё равно не понимаю, как амулет может отдать долг Триш, умершей десять лет назад.

Или это я должна отдать, как его носитель? Но… нет, вряд ли…

*

День казался несложным, но почему-то после ужина мы все возвращались в комнаты какими-то уставшими. Почему устала я, понятно — нельзя же так часто и много не спать по ночам, шляясь по императорским библиотекам. А у всех остальных, видимо, начинался «кризис первокурсника», как назвал наше общее уныние Эван.

— Он всегда случается, когда первый восторг проходит и вливаешься в учёбу с головой. Такая тоска берёт… Не переживайте, пройдёт.

— Даже если не пройдёт, — пробурчала Данита, — тосковать нам тут всё равно не дадут.

Мы засмеялись и решили, что вечером будем отдыхать. Хотя у меня отдыхать вряд ли получится — впереди были занятия с Дрейком по проклятьям, которые он попросил перенести с пятницы на четверг по причине каких-то своих дел. Поэтому я оставила Мирру и Дин в нашей комнате в состоянии тушёных овощей, а сама пошла к магистру Дарху в кабинет.

Выглядел Дрейк сегодня мрачновато. Но я сразу поняла, что это связано не со мной, поэтому не особенно напряглась.

А потом, когда плюхнулась в кресло, вдруг подумала… и выпалила:

— Магистр, скажите, а как можно отдать долг?

— Что? — он так удивился, что с него даже сразу слетела вся мрачность.

— Ну, долг. Как можно отдать?

Я сама понимала, что задаю вопрос, на который весьма сложно ответить, потому что непонятно, о чём вообще спрашивают.

— Ты не могла бы уточнить, о каком долге идёт речь? — поинтересовался Дрейк, спокойно взял со столика заварочный чайник и начал наливать себе чай. Кивнул мне, но я отказалась.

— Ну… если один маг, скажем так, признаёт долг перед другим магом. Как он может отдать этот долг?

Магистр посмотрел на меня озадаченно.

— Признаёт долг?.. Никогда не слышал. Но в принципе, Шани, долг отдаётся всегда в том же размере.

— Ага. — Я задумалась. — То есть если маг задолжал жизнь, то он в качестве уплаты долга должен отдать жизнь?

— Не отдать — спасти.

Час от часу не легче. Спасти жизнь Эмирин? Да она сама справится с собственным спасением и в придачу ещё кого-нибудь спасёт.

Но была и кое-какая тонкость…

— А если… две жизни?

— Шани… — Дрейк вздохнул. — Я бы с радостью ответил, но я не очень понимаю, о чём ты спрашиваешь.

— Если бы я знала, — пробурчала я в ответ, и он вдруг рассмеялся. И это было совсем не обидно, а даже наоборот. Я и сама усмехнулась, но почти сразу смутилась и опустила глаза.

— Хорошо. Если ты закончила с вопросами, тогда давай наконец продолжим занятие. Помнишь, что сегодня будем делать?

— Учиться видеть метку проклятья, — отрапортовала я, и Дрейк кивнул.

— Говоришь, делала упражнения? Сейчас проверим. Закрой-ка глаза.

С закрытыми глазами в методичке упражнение тоже было, поэтому я не испугалась и зажмурилась.

— Прекрасно. А теперь скажи, что я держу в руках.

— Огонь.

Да, именно в этом и состояла суть тренировки — с закрытыми глазами определить Источник силы по его пульсации. В принципе, несложно.

— Хорошо. Открывай глаза. А теперь ответь мне на вопрос — что такое аура?

— Это жизненная энергия каждого из нас. По сути ещё один Источник силы, ведь оттуда тоже можно её черпать… Вот только подобные действия приводят к болезням и смерти, потому что связаны непосредственно с жизнью.

— Верно. Некоторые отождествляют ауру с душой, но это не одно и то же. Душу увидеть нельзя, ауру — можно. Она тоже пульсирует, как только что пульсировал огонь в моих руках. А теперь давай попробуем выполнить ещё одно упражнение. Как только у тебя получится — значит, ты уже почти готова увидеть ауру. Вот только, Шани, вряд ли это будет се-

годня. Не расстраивайся, если не выйдет.

— Ладно. Не расстроюсь.

Дрейк поднялся с кресла и меня попросил сделать то же самое. И закрыть глаза. А потом объяснил: он сейчас отойдёт и встанет где-нибудь в другом месте, а я должна попытаться почувствовать его с закрытыми глазами.

Честно говоря, я растерялась. Я никогда не пыталась угадать местонахождение кого-либо в комнате, ориентируясь непонятно на что. Я могла бы смухлевать: ток крови в теле Дрейка я чувствовала довольно остро, как и любой маг Крови, — но мухлевать не хотелось. Уверена, он бы понял.

Так что оставшийся час от занятия я тщетно пыталась найти своего куратора в его же кабинете. Магистр оказался прав — у меня так ничего и не вышло. Хотя он объяснял, что нужно представлять его мысленно и пытаться ощутить жизненную энергию, и я очень старалась делать всё, как он говорил. Но тщетно.

— Не огорчайся, я уверен, в следующий раз получится, — улыбнулся Дрейк, отпуская меня с занятия.

А я и не огорчилась. Моё глупое сердце радостно билось от предвкушения.

Попрошу Норда помочь. У него это так хорошо получается…

*

Нет, я окончательно сошла с ума. Так же нельзя. Ещё не было отбоя. Ещё не ночь. Это же, наверное, опасно…

Но я бежала мимо припозднившихся студентов к залу памяти и портальному зеркалу, как бешеная лошадь. Меня теперь даже почти не волновал вчерашний визит к Норду Эмирин. Просто хотелось его увидеть.

Хорошо, что в зале памяти никого не было, и я смогла спокойно запрыгнуть в портальное зеркало. Пару секунд головокружения — и я вышла в императорской библиотеке.

Здесь царил полумрак. В небольшие узкие окна, похожие на бойницы, лился тусклый свет с улицы — всё же почти ночь. В самой библиотеке освещения не было, и мне придётся ждать Норда — сама я включать свет не умею.

Он пришёл минуты через три. В белой, как снег, рубашке, тёмных брюках и с чуть влажными волосами.

— Шани? — В голосе я услышала беспокойство. — Что-то случилось?

— Нет, — прошептала я. — Или почти нет. Мы с магистром Дархом сегодня пытались почувствовать пульсацию жизненной энергии…

— А-а-а, — засмеялся Норд. — Я понял. Подожди, я включу свет.

Он отошёл к одной из стен, и через мгновение вокруг начали вспыхивать маленькие магические лампочки. Освещая мои красные щёки и нервно сцепленные руки…

— Значит, на сегодня у нас намечен очередной урок? — спросил хранитель библиотеки смешливо, подходя ближе ко мне и останавливаясь в паре шагов. — Хочешь попробовать

найти меня с закрытыми глазами?

Я неуверенно кивнула. Честно говоря, когда я увидела Норда, мне захотелось другого. Но сказать об этом всё равно нереально.

— А почему ты думаешь, что у тебя получится со мной, если не получилось с магистром Дархом?

— Э-э-э… Я не думаю… Просто всё время ты что-то объясняешь и у меня получается лучше…

Норд ласково улыбался, глядя на моё лицо, и я смутилась окончательно.

Шайна, давай, приходи в себя! Так нельзя!

— Понимаешь, Дрейк учит тебя абсолютно правильно, тут ни добавить, ни прибавить — только время и тренировки. Есть один способ, но, боюсь, он не подходит ни ему, ни мне, ни тем более тебе.

— Что за способ? — спросила я, поднимая голову. Смущение начало потихоньку уходить.

— Мотивация, обычная мотивация. С тобой это выглядело бы примерно так. Я мог бы сказать: «Если найдёшь меня, я выполню любую твою просьбу».

Ох…

Любую?..

— Понимаешь? Мотивация должна быть сильной, то есть фразы вроде: «Найдёшь меня — получишь конфетку» — не сработают. Что-то настоящее, очень важное. Дрейк ничего подобного тебе предложить не может.

Норд замолчал, задумчиво меня разглядывая. Захотелось облизнуть губы…

— А… ты? — выдохнула я, чувствуя себя кхарртовой соблазнительницей.

— А я не играю в такие игры, — ответил он спокойно. — Видишь ли, Шани… мой, скажем так, статус не позволяет мне разбрасываться обещаниями. Если только ты не придумаешь что-то важное лично для тебя, но при этом абсолютно… невинное.

Невинное, значит. Увы, но в моей голове слово «невинно» и имя «Норд» давно друг с другом не сочетались.

Я судорожно вздохнула и сказала очень тихо, но при этом мучительно краснея:

— Ты… поцелуешь меня?

Как я вообще смогла это выговорить?

Норд улыбнулся и покачал головой.

— Нет, Шани.

— В щёку, — уточнила я и добавила: — Пожалуйста.

Он задумался, посмотрел на меня с сомнением.

— В щёку, значит? Ты думаешь, это достаточная мотивация? Что ж, ладно. Но у тебя будет только одна попытка. Посмотрим, насколько ты целеустремлённая девочка, — пошутил он, вновь улыбнувшись. — Закрывай глаза. И не подглядывай!

— Ни за что, — я помотала головой. — Я всегда играю честно.

— Я тоже, Шани.

Голос Норда постепенно растаял. Какое-то время я ещё слышала его шаги, а потом меня окружила полнейшая тишина.

Пять ударов сердца… десять… двадцать. Пора.

Я старалась дышать глубоко и спокойно. Главное — не нервничать. Хотя, конечно, поцелуя очень хочется. Даже больше, чем хочется…

А теперь думай о Норде. У него тёмные волосы — сейчас они чуть влажные, интересно почему? — широкий лоб с морщинками, которые составляют неотъемлемую часть его мимики, аристократический нос, узкие губы, чёткая линия скул и подбородка… Я так хорошо знала его лицо, что могла бы нарисовать его с закрытыми глазами.

И как только я это подумала, то почувствовала его.

Он стоял слева от меня, буквально в десяти шагах. Я ощущала пульсацию его жизненной силы. Это было похоже на сердцебиение в собственных глазах…

Выдохнув, я медленно пошла вперёд, не открывая глаз. Всё ближе и ближе. Я ни на что не натыкалась, словно Норд специально расчистил для меня путь. Действительно верил, что я его найду?

Секунда, другая, третья… И я протянула руку…

Он поймал мою ладонь своей, прижал к губам — и я резко открыла глаза.

— Нашла, — сказал очень тихо и улыбнулся. — Неужели

ты…

— Да, — выдохнула я, сама не понимая, на что отвечаю, но это было неважно. Он сделал шаг вперёд, осторожно обнял меня за плечи, наклонился — и прижался горячими губами к моей щеке.

Я боялась вздохнуть. И в то же время — дышала, дышала бесконечно глубоко, потому что он был вокруг меня — его запах, руки, губы. Его сила, надёжность и теплота.

Норд продолжал целовать мою щёку. Так долго… И вдруг оторвался — и поцеловал ещё раз, и ещё. Спустился чуть ниже и почти уткнулся губами мне в шею…

— Шани… как же ты пахнешь, хорошая моя…

О Дарида, что это? Почему мне кажется, будто я в огне горю?

Я больше не могла стоять, застыв статуей. Подняла руки — одной обняла Норда, положив ладонь ему на спину, а пальцами другой зарылась в его влажные волосы, взъерошила их, и чуть не умерла, когда он едва слышно застонал и обнял меня крепче.

Теперь обе его руки лежали на моей талии, сжимали её и гладили, и каждое прикосновение Норда вызывало во мне волну эмоций и жара внизу живота. А он всё целовал мою щёку в том месте, где она уже начинала переходить в шею, и вздыхал, и нюхал, и повторял моё имя…

Я вжималась в него изо всех сил, ощущая его грудь своей, и гладила по спине теперь уже обеими руками, чувствуя,

как напряжены мышцы, как перекатываются они под моими пальцами.

— Шани… — Норд вдруг перестал меня целовать, выпрямился и прижал к себе. Погладил по волосам и сказал очень тихо и как-то хрипло: — Хорошая моя, ты не представляешь, на что обрекаешь себя. Нужно остановиться.

— Я… не хочу…

— Нужно, Шани.

Зачем нужно? Кому нужно?..

Я хотела задать ему эти вопросы, но не смогла. Язык не слушался.

Поэтому я просто стояла, наслаждаясь близостью Норда. Сердце в его груди билось так, словно хотело пробить рёбра и выскочить наружу.

— Шани… я прошу, пожалуйста, не переживай. Не нужно. Сосуд моей жизни почти пуст, и я не хочу наполнять его за твой счёт. Это неправильно. Я твой друг и останусь им, пока тебе не надоест. Но не больше.

Сосуд? Какой сосуд? Норд, конечно, старше меня, но он ведь сильный маг, а значит, эта разница через какое-то время вообще не будет заметной…

— Иди, хорошая моя. Отбой через пять минут, как раз успеешь добежать до своей комнаты. Выспись сегодня как следует. А то несколько дней бодрствуешь по ночам, — Норд улыбнулся, поднял руку и легко погладил меня по щеке.

— Ладно. Я постараюсь, — я тоже улыбнулась, глядя в его

тёмные глаза, полные удивительной теплоты.

Я не знаю, что за глупости Норд вбил в свою мудрую голову. Но я разберусь.

И найду в себе силы его переубедить. Обязательно найду…

Глава 5

Император Велдон

Когда он последний раз чувствовал себя настолько живым?..

Нет, даже не настолько, а просто — живым.

Велдон давно почти похоронил себя, осознав — если ему и удастся снять проклятье, то это не значит, что получится стать счастливым.

Но что вообще нужно для счастья? Когда-то ему были необходимы трон и Эмирин, а теперь…

Велдон усмехнулся, понимая — сейчас для счастья ему нужно только одно. Чтобы Шайна не перестала приходить в библиотеку. И больше ничего.

Кажется, что это так мало… Но она ведь перестанет. Конечно, перестанет.

— Ваше величество.

Император обернулся — позади стоял Аравейн, главный придворный маг и наставник наследников.

— Девушка, которая приходит в библиотеку…

Велдон покачал головой — разумеется, было глупо думать, что Аравейн не почувствует Шайну.

— Она не опасна.

— Я знаю, ваше величество. Но я призываю вас вспом-

нить, что наш таинственный враг никогда не бьёт непосредственно по вам, выбирая в жертвы только тех, кто вам дорог. Я позволил себе предположить, что эта девушка… дорога вам.

Сердце кольнуло страхом.

— В ней нет крови Альтерров, Аравейн.

Кого он пытается убедить, что Шайне ничто не угрожает? Аравейна или себя?

— Я не думаю, что это важно в данной ситуации, ваше величество. Она дорога вам, и это моментально ставит её под удар.

Велдон выдохнул и сжал зубы.

Почему он уничтожает всё, к чему прикасается?..

— Что ты предлагаешь, Аравейн?

— Амулет. У неё есть один, но я считаю, что его недостаточно. Щитовые свойства там слабенькие. И если вы позволите, я сделаю этой девушке необходимый амулет.

— Хорошо. Делай.

— Браслет или кольцо, ваше величество?

— Браслет. Справишься к понедельнику?

Аравейн едва заметно усмехнулся.

— Постараюсь, ваше величество.

Наследный принц Дамир

Шайна вернулась после занятий с куратором несколько

позже, чем рассчитывали они с Дин, и выглядела так, будто немного выпила. На щеках румянец, глаза блестят, да и взгляд какой-то лихорадочный.

— Что это с тобой? — спросила Рональдин с подозрением, и полуэльфийка очень странно улыбнулась — то ли счастливо, то ли безумно.

— Я… Да так. Просто.

— Шани, ты меня пугаешь, — пробормотал Дамир, приподнимаясь на кровати и откладывая в сторону учебник по боевым плетениям. — В воскресенье ты была мрачна, как дождевая тучка, а теперь почти сияешь. Может, в саду академии растёт какое-нибудь незаконное растение? А мы и не знаем. Так ты с нами поделись!

Шайна фыркнула.

— Нет, никаких растений я не употребляю, что ты. Просто… в воскресенье я была расстроена, а сейчас я… к Норду ходила. В библиотеку. — Она вдруг смутилась, опустила голову и залилась краской.

Та-а-ак.

— Ты что, хочешь сказать, вы… — начал Дамир и сам смутился. Рональдин заулыбалась, глядя на них обоих. У оборотней с подобными темами было проще.

— Нет-нет. — Шайна хихикнула. — Просто… нет, я не могу это рассказывать! Не обижайтесь, но правда — не могу.

— Это нормально, — утешила её дочь ректора. — О подобном должны знать только двое. Да, Мир?

Наследник усмехнулся, вспомнив, как пару часов назад Дин, перед тем как сесть читать книжку, подошла к нему и долго, жарко поцеловала. Ещё и проурчала что-то довольно.

Он не очень понимал, как Рональдин так спокойно относится к тому, что Мирра — девочка. Может, Эмирин что-то сказала дочери? Нет, вряд ли…

Хм… а если сказала?..

— Давайте я вам тогда поведаю, что случилось в воскресенье. Хотя «случилось» — это, наверное, слишком громкое слово. Помните, я говорила, что мне снятся сны? Не каждую ночь, но довольно-таки часто. В общем…

Шайна рассказывала о своих снах очень долго. Дамир и Дин внимательно слушали, и перед наследником постепенно вырисовывалась интересная картина. Картина, о которой он ранее даже не подозревал.

Триш Лаира — государственная преступница, о которой он краем уха много раз слышал от дяди Велдона, и от глав Тайной службы, и от Аравейна. Пропавшая без вести девушка, проклявшая правящий род и лично его дядю.

И она — мама Шайны? Невероятно.

— Шани… а хранитель библиотеки… Ты ему всё это рассказала? — спросил Дамир осторожно, и слегка вздрогнул, когда она кивнула.

— Да. Я… верю ему. У меня… есть причина.

Дин с сомнением поджала губы, а наследник просто задумался.

Значит, дядя Велдон знает. А Шайне не говорит, что он и есть тот самый проклятый император. И попробуй пойми зачем…

Дамир-то и раньше ничего понять не мог, а теперь и подавно. Словно речь только что шла не о дяде Велдоне, а о совершенно чужом человеке.

И эти её красные щёки и счастливые глаза… И император, про которого говорили, что сердце у него из камня. Нет, Дамир знал — конечно, не из камня, — но Шайна…

О Дарида, что же с ней будет, когда она узнает?!

*

В пятницу занятия у всех закончились ещё до обеда — индивидуальные практикумы с кураторами были отменены и у Дин, и у Дамира, и у Шайны. Рональдин должна была пойти к своему куратору в понедельник, Дамир — во вторник, а Шайна ходила к магистру Дарху накануне и собиралась отдыхать в пятницу вечером.

Хотя, когда она говорила про вечер, у неё как-то подозрительно блестели глаза. Поэтому наследник предполагал, что Шайна хочет опять наведаться в библиотеку.

Но ему самому необходимо было поговорить с императором, правда, вовсе не о Шайне. И сразу после обеда Дамир откололся от девчонок, оставив их в парке академии вместе с Данитой, которая усиленно пыталась уговорить обеих наведаться в город.

Прыгая по лестницам и пробегая по коридорам, наслед-

ник добрался до кабинета ректора, вошёл в приёмную — и сразу же наткнулся на неодобрительный взгляд Адель, секретаря Эмирин.

— Я по личному делу, — поспешил сказать он. — Передайте, пожалуйста, профессору, что её хочет видеть Мирра Дарлейн.

Секретарь прищурилась, оглядела тощенькую фигурку первокурсницы, чуть слышно фыркнула, но всё же встала и направилась в кабинет Эмирин.

Спустя пару мгновений Адель вышла оттуда и, распахнув дверь пошире, недовольно пробурчала:

— Проходи.

Он с готовностью пробрался мимо секретаря и застыл, не отойдя от порога и двух шагов.

Профессор стояла возле одного из книжных шкафов и листала какую-то книгу, сосредоточенно хмурясь. Заметив, что в кабинет вошёл Дамир, Эмирин отложила её, улыбнулась и приветственно кивнула.

Позади гулко хлопнула дверь, и только тогда он чуть слышно произнёс:

— Тётя Эм…

— Подойди-ка сюда, Мир, — перебила его ректор. — Не стой у порога. Чаю хочешь?

— Нет, спасибо, мы только пообедали… — Наследник подошёл ближе и остановился в шаге от Эмирин. — Тётя Эм, я хотел узнать. Бал на День открытия академии…

— Да?

— Могу я… прийти на него… в своём истинном облике?

Ректор несколько секунд молчала, глядя на Дамира с удивлением.

— В истинном… Хм. Мир, я бы с радостью, особенно учитывая ваши извращённые отношения с Дин.

Кажется, он начал краснеть. Так или иначе, но Эмирин рассмеялась.

— Да-да, я в курсе. Но, пожалуйста, пока держите себя в руках, иначе весь наш маскарад насмарку. Дин я предупредила.

— Она… знает?

— Разумеется. Неужели ты думал, я позволю своей дочери мучиться подобными терзаниями? Нет уж, я слишком люблю её. А рассказать о тебе правду она всё равно не сможет. Более того, вы даже между собой не сможете это обсуждать. Потому что никогда не знаешь, кто находится рядом и слышит твой разговор.

Наследник сразу начал оглядываться, и Эмирин покачала головой.

— Нет, здесь подслушивать невозможно.

— Из-за тебя?

— Да, Мир. Академия слушается своего хранителя, и если я говорю, что у нашего разговора не должно быть свидетелей, так и будет. Ладно… На бал, значит, хочешь. В истинном облике.

— Очень хочу, тётя Эм.

Она вздохнула.

— Хорошо, я постараюсь уговорить твоего дядю. Но… не обещаю. Сам же понимаешь.

Дамир понимал. Император предпочтёт запереть его в комнате на ключ и охрану в дверях поставит.

— А если он меня не отпустит, я… я всё Шайне расскажу!

Наследник был не уверен, что Эмирин вообще в курсе, о чём идёт речь, но всё-таки брякнул эту глупую фразу. И увидел, как губы ректора едва заметно задрожали.

— Ох, Мир… Шантажировать Велдона совершенно бесполезно. Но я постараюсь его уговорить. В конце концов, — Эмирин усмехнулась, — он тоже когда-то был молодым. И горячим. И…

Она вдруг запнулась, улыбнулась как-то по-особенному, словно вспомнив что-то приятное. Но продолжать не стала.

— У тебя всё, Мир?

— Да, вроде бы…

— Хорошо. Тогда последнее — и можешь идти. Загляните ко мне с Дин в понедельник после занятий, ладно? Мне нужно будет поговорить с вами. Насчёт субботы и дня рождения Шайны.

— Только не говори, что нам нельзя его праздновать.

— Не скажу. Но будут кое-какие ценные указания. Договорились?

— Договорились, тётя Эм.

Ей предстояла тяжёлая ночь. Искать кого-то, используя магию Разума, не самая лёгкая вещь на свете.

Вечером Эмирин села перед зеркалом в своей комнате и, распустив волосы, принялась расчёсывать их деревянным гребнем. Подобные монотонные движения всегда помогали ей настраиваться на поиск.

Дрейк примостился на краю кровати и заворожённо следил за игрой света и тени в волосах Эмирин.

— Ты такая красивая, — сказал он с придыханием, и она чуть поморщилась — не любила, когда об этом упоминали. — Эмил, я…

— Дар, пожалуйста, давай не сегодня? Я должна кое-что сделать, мне необходимо сосредоточиться. Это очень важно.

— Император?..

— Можно сказать и так.

Дрейк встал с постели и опустился перед Эмирин на колени. Посмотрел ей в глаза и произнёс, улыбнувшись немного беспомощно:

— Мне нужно не только твоё тело, ты же знаешь. И я… потерплю. Теперь получается. Как думаешь… это потому что Шайна мне нравится?

— Да, влияние метки проклятья слабеет. Но не расслабляйся, Дар. Ты же знаешь — проклятье будет сопротивлять-

ся.

Эмирин отложила расчёску, взяла Дрейка за руку и потянула за собой к кровати.

— Пойдём спать. Все мои важные дела необходимо творить во сне, поэтому…

— Я понял, Эмил. Я не буду тебя будить.

Она благодарно улыбнулась и легко коснулась губами щеки Дрейка.

*

Сон — удивительная субстанция, которой умеют управлять редкие маги. Но никакое управление не бывает абсолютным.

Особенно — управление хаосом. И это, конечно, знал Эдриан, ведь Триш делилась с ним секретами магии Разума. Он наверняка в курсе, что любому влиянию можно сопротивляться, и чем оно активнее, тем мощнее будет сопротивление.

Вязкая муть первого сна сменилась бесконечным пространством, напоминающим небо, где вдалеке мерцали звёзды — чужие сознания. Эмирин привычно огляделась в поисках своих детей, потом нашла Дамира, Даниту и Велдона. Улыбнулась беспокойной звёздочке Шайны Тарс и пошла вперёд… решив начать с более приятного, чем поиск Эдриана, дела.

Звезда её мужа горела ярко и спокойно, как всегда. Сознание Нарро впустило Эмирин легко, не возражая, обняло

и растворило в себе.

Лес. Солнечный, цветущий лес, полный запахов и звуков, в котором она так давно не была. Журчание воды, щебет птиц, негромкий стук сердца…

Её собственное застучало громче, когда Эмирин наконец увидела Нарро. Он стоял возле одного из деревьев, прислонившись к нему спиной, и смотрел на неё с лёгкой улыбкой в глазах.

— Привет, — она тоже улыбнулась, немного смутившись, словно по-прежнему была юной девочкой. — Я ненадолго и… по делу.

— Я понял, — тихо проговорил Нарро, оттолкнулся от испещрённой морщинами старой коры и подошёл вплотную к Эмирин. Она не успела больше ничего сказать — он наклонился и, обняв её за талию, приподнял над землёй, чтобы секундой спустя нежно, но жарко поцеловать. Потом поставил обратно и, полюбовавшись на вспыхнувшие щёки, сказал: — Вот теперь можно и о деле.

Эмирин вздохнула.

— Я… Прости, я знаю, что ты соскучился… Я тоже… очень.

— Всё хорошо, Ри. Ты насчёт принцессы Минаэль, правильно?

— Да.

Принцесса Минаэль — племянница Риланда и его первая наследница, которую они решили спрятать в Арронтаре ещё

в начале лета. Очень красивая юная тёмная эльфийка и, в отличие от Коула, абсолютно уравновешенная в своём поведении.

— Я боюсь, что на неё могут воздействовать с помощью «подчинения Крови». И таким образом попытаться причинить вред тебе. Я думаю, что дело… не только в престоле и Велдоне. Правда, я не уверена, буду проверять эту теорию. Поэтому… пожалуйста, будь осторожен.

— Хорошо, Ри, я постараюсь. Как там Дрейк?

— Уже скоро, — Эмирин сделала шаг вперёд и потёрлась щекой о грудь мужа. — Совсем немного осталось подождать.

Нарро обнял её, наклонился и легко поцеловал в губы.

Какое-то время они стояли, обнявшись, и молчали. Им уже давно не нужны были никакие слова, чтобы понимать друг друга. Понимать, насколько всё это тяжело… но не жаловаться.

— Люблю тебя, — шепнула Эмирин, развеивая сон.

— И я тебя, моя Ро.

*

…Вот теперь будет сложнее. Искать среди звёздочек сознание того, кто не хочет, чтобы его нашли, — задачка не из лёгких. Правда, в череде нелёгких задачек подобная всё же — самая простая.

Эмирин вздохнула и повела плечами, а потом тихо запела. Старую, как её волшебный лес, песню, которая всегда успокаивала и настраивала на то, что было нужно сделать.

Ректор думала об Эдриане. О том Эдриане, которого помнила. О целеустремлённом мальчишке, чьей целью в жизни были всевозможные магические эксперименты. Мальчишке, который любил Триш так же сильно, как она любила Велдона. О юноше, что искал пропавшую сестру с остервенением, обвиняя во всём, что случилось, не её, а наследника престола.

Эмирин он тоже не особенно жаловал. Из-за Велдона, с подростковой горячностью ненавидя всех, кто причинял боль Триш. Никогда не грубил, иначе Риш сама бы ему треснула, но и не привечал.

Милый и горячий тёмный эльф. И как же жаль, что…

Эмирин резко распахнула глаза и жадно уставилась в окружающее пространство. Вот он. Нашла!

Яркая звёздочка сознания Эдриана мерцала теперь совсем близко от Эмирин. Ректор рванулась вперёд, не мешкая, — и врезалась в неё своим сознанием.

Резкая ослепляющая боль — словно сотни ножей, как костёр, выжигающий все твои внутренности. Так всегда и бывает при вторжении в сознание существа, которое этого отчаянно не желает.

Эмирин закусила губу, попытавшись справиться с нахлынувшей болью, выпрямилась — и обрушила себя вместе с Эдрианом в ледяную воду.

Открыла глаза. Она плыла посреди огромного океана — тёмная, солёная на вкус вода, такое же хмурое небо, высокие

штормовые волны, и никакого берега.

Очередная волна захлестнула Эмирин с головой, явно пытаясь утопить, как щенка, и она усмехнулась, признав, что Триш действительно была хорошим учителем, и теперь узнать, где Эдриан, будет непросто.

Непросто… но не невозможно.

Она вынырнула, взмахнула волосами… которые вдруг превратились в тёмные, почти чёрные, провела ладонями по лицу, чувствуя под пальцами другие черты.

Мир вокруг дрогнул. Сначала будто бы застыл, а потом взревел, словно от ярости.

— Эд! — крикнула Эмирин и расхохоталась, когда волны в океане исчезли и ветер стих. — Не трусь! Ты же никогда не был трусом, мальчик.

— Не называй меня так! — прогрохотало небо. Прекрасно! Заговорил.

— Не буду, Эд.

— И прекрати выглядеть как Риш.

— А ты заставь меня, — насмешливо усмехнулась Эмирин. — Заставь! Или только и можешь, что топить в океане? А хочешь, я покажу тебе настоящую магию Разума?

— Убирайся из моего сна, Эмирин! — вновь взревело небо. — Я ничего от тебя не хочу!

— Неужели?

Она вдохнула воздух полной грудью и нырнула глубже. Закрыла глаза, раздвигая руками податливую воду…

Ну что ж… поиграем.

Вода вокруг Эмирин завертелась, скрутилась в водоворот, захватив с собой и её, повинуясь приказу одного из самых сильных магов Разума, и смерчем взлетела в воздух. А потом разлетелась на тысячи крошечных капелек, переливающихся на сияющем солнце, как маленькие бриллианты…

Сама Эмирин мягко приземлилась на ярко-зелёную траву, и усмехнулась, когда сверху на неё, удивлённо открыв рот, упал Эдриан.

Он казался сильно постаревшим, хотя эльфам подобное несвойственно. И тем не менее — вокруг его глаз Эмирин заметила лучики морщинок, и среди волос попадались седые. Да и сами глаза были потухшими, безжизненными.

— Как ты, кхаррт тебя дери, это сделала?

— Я же маг Разума, забыл?

— Но Риш…

— Риш умела не всё. Многое, но не всё. Ты умеешь ставить блок, молодец, но это не значит, что я не могу управлять твоими снами, Эд.

Он хмыкнул, глядя в её лицо, по-прежнему бывшее лицом Триш.

— Хорошая копия. Почти не отличишь.

— Почти?

— Да. Когда я в последний раз видел Риш, оба её глаза были карими.

Эмирин моргнула — и второй глаз из красного превра-

тился в карий.

— Вот так? Теперь не отличить? — спросила она голосом своей умершей воспитанницы, и охнула, когда Эдриан рванул платье на её груди. Развёл в стороны лопнувшую ткань и мрачно усмехнулся, стоило Эмирин перехватить его руки.

— Надо же, — протянул Эдриан, вглядываясь в обнажённую плоть, — и тут не отличить. Вот эта родинка — у Риш была такая…

— Прекрати, Эд, — прошипела Эмирин, вновь отталкивая его ладони, которыми он попытался дотронуться до её груди. — Естественно, я ведь вырастила Триш. Я все её родинки наизусть помню. А ты-то откуда знаешь? Подглядывал, что ли, за ней?

Эдриан покачал головой, опуская руки, и глаза его наполнились тоской.

— Нет, Эм. Я был с Риш… один раз.

— Был?.. В смысле… вы…

— Угу, в том самом смысле мы. Она тогда была в расстройстве и отчаянии из-за Велдона, я уже не помню только почему… Кажется, опять он ей про тебя рассказывал. Триш пришла ко мне… Не осуждай её, Эм.

— Не буду, — сказала Эмирин глухо. — Любовь — не то, за что можно осуждать.

Она на секунду прикрыла глаза — и вернула собственный облик. И даже платье на груди вновь стало целым, вызвав у Эдриана понимающую усмешку.

— А убийство? Можно осуждать за убийство?

— Ты про себя или про Риш?

— Про нас обоих.

Эмирин подняла руку и прикоснулась кончиками пальцев к щеке Эдриана. Он сразу дёрнулся, избегая её прикосновения, и она улыбнулась.

— Мне нужно найти тебя, Эд, — сказала она вместо ответа. — Я знаю, что ты этого не хочешь и будешь сопротивляться. Я к этому готова. И ты готовься — я приду ещё.

— Эмирин… — начал Эдриан, но она не стала слушать — развеяла сон, отпуская чужое сознание и возвращаясь в собственное.

И удовлетворённо погрузилась в сон без сновидений, где не было ничего, кроме стука её сердца.

Шайна Тарс

Вечера пятницы я ждала с таким нетерпением, будто не видела Норда по меньшей мере год. А когда этот вечер наконец настал, я почти ликовала, и сразу, как просигналил отбой, отправилась в императорскую библиотеку.

Мирра и Дин ещё не успели заснуть и впервые наблюдали, как я собираюсь. Смотрели на меня внимательно-внимательно и с искренним беспокойством. Но это беспокойство казалось мне каким-то… разным. Словно Дин боялась чего-то абстрактного, а Мирра — конкретного.

И я, надевая плащ, улыбнулась обеим.

— Ладно вам переживать. Не может Норд быть плохим. Хотя бы потому, что общается с Эмирин. Я однажды запрыгнула в портальное зеркало, а там она.

Дин явно полегчало, а вот рыжей — нет. Совершенно.

— Считаешь, ректор не может ошибаться? — спросила она, почему-то отводя взгляд, и внутри меня по какой-то причине колыхнулось раздражение.

Через секунду я поняла, по какой. Мне не хотелось, чтобы о Норде думали плохо.

— Он поклялся, — кажется, я даже зарычала. — Поклялся, что не замышляет ничего дурного. На крови. Невозможно нарушить.

Рональдин подняла руку и погладила по плечу явно напрягшуюся Мирру.

— Ты не сердись, Шани, — обратилась ко мне при этом дочь ректора. — Мы просто переживаем. Любим же тебя.

Я моментально перестала дуться. Хотя и было немного обидно за Норда. Но с другой стороны — девчонки ведь ничего о нём не знают толком, не видели, не говорили…

Хм. Шани. А ты-то что знаешь о Норде? Он — хранитель библиотеки, а ещё? Вы же только про тебя говорите…

— Ладно, — я накинула капюшон и заторопилась. — Я пойду. А вы, я надеюсь, будете спать, а не дожидаться меня со свечкой в руках.

Дин и рыжая фыркнули, а потом засмеялись. Кажется,

мир восстановлен.

*

Первой, кого я увидела, перенесясь в библиотеку, была Хель. Маленькая серая кошка сидела возле портального зеркала, будто ждала меня. Я взяла её на руки и радостно улыбнулась, услышав громкое мурчание.

Надо же… А я ведь почти забыла о том, что Хель спасла моя мама.

Хоть что-то… хорошее…

— Шани?

Вслед за появлением Норда зажёгся неяркий свет. Я поставила кошку обратно на пол, выпрямилась, посмотрела на хранителя и… немного сошла с ума.

Рассмеялась и побежала вперёд, чувствуя себя до ужаса счастливой.

И попала в крепкие и тёплые объятия.

— Я так рада тебя видеть.

— Шани, — Норд бережно перебирал мои волосы — капюшон плаща упал ещё во время переноса через портальное зеркало, — я тоже очень рад. И Хель рада, чувствуешь? Трётся о наши ноги.

Я обняла Норда крепче, легко потёрлась щекой о его грудь — и немного смутилась, ощутив, как он вздрогнул. Поэтому поспешила сказать:

— Я сегодня впервые вспомнила, что именно моя мама спасла Хель. И подумала — здорово, что она сделала хоть

что-то хорошее…

— Триш сделала немало хорошего. — Норд мягко отстранил меня от себя и улыбнулся, когда я вздохнула с сожалением. — Даже я бы сказал — много. Хочешь чаю?

— Чаю?.. Ночью?

— А что тут такого? Думаешь, императору не может захотеться выпить ночью чаю?

— Императору может, но мы-то не он…

Улыбка Норда будто бы поблекла.

— Мы… да. Ничего, Шани, и нас не обидят. Садись. На самом деле я уже всё принёс. Надеялся, что ты придёшь.

Стало так приятно! И улыбка сама расцвела на моём лице, как цветок, бутона которого коснулся тёплый солнечный луч.

— Правда?

Глупый детский вопрос.

— Правда, — Норд рассмеялся, подводя меня к креслу. Усадил в него, сам сел напротив и поднял крышку с подноса, что стоял на столе.

Там, под крышкой, обнаружился большой чайник из прозрачного стекла. Внутри переливалась жидкость янтарного оттенка, и чаинки медленно оседали на дно…

А ещё здесь были две чашки на блюдцах, маленькие серебряные ложечки и вазочка с какими-то конфетами в ярко-красных бумажках.

Стало так радостно. И вроде ничего особенного — поду-

маешь, чай. А всё равно хорошо.

— Ну, рассказывай, — произнёс Норд, разливая напиток по чашкам.

— Что рассказывать? — не поняла я. Всё ещё не могла отойти от собственных мечтаний о том, что хранителю библиотеки я могу быть нужна не меньше, чем он мне.

— Что угодно, Шани. Ты же мне всегда что-нибудь рассказываешь.

И тут я опять смутилась. Ну да, рассказываю… И вновь я подумала: да и говорим мы большей частью обо мне, а не о Норде. А о нём я ничего не знаю.

— Вообще… я хотела спросить…

— Спрашивай, — кивнул мужчина, делая глоток из своей чашки.

— А ты женат?

Он поперхнулся, и я вжала голову в плечи, словно чего-то испугавшись.

— Нет, Шани, — Норд хмыкнул и вновь глотнул чаю. — Не женат.

— А… был?

Кажется, на моих щеках скоро можно будет этот самый чай подогревать.

— И не был.

— А… почему?

Хранитель библиотеки отвёл взгляд.

— Так бывает. Не сложилось. А почему ты вдруг решила

спросить?

— Просто подумала, что мы всё время говорим только обо мне, а о тебе я почти ничего не знаю. Тебе… неприятно?

— Из-за чего мне может быть неприятно? Спрашивай всё, что тебе интересно, я постараюсь ответить. По мере возможности.

Вот и почему так? Иногда хочешь спросить, но не смеешь, потому что не твоё это дело. А потом тебе дают разрешение, и ты теряешься, не зная, о чём спрашивать.

— Сколько тебе лет?

— Мне сорок один год.

Да, я как-то так и предполагала…

— Кем были твои родители?

Он вздохнул и начал медленно говорить, словно подбирая слова:

— Моя мать была артефактором и погибла, когда мне было восемь. Она ошиблась в расчётах, и артефакт взорвался у неё в руках. А отец… он был влиятельным человеком при дворе. Очень влиятельным. Я унаследовал его титул, когда он умер, почти восемнадцать лет назад.

— Титул?

Конечно, как я могла забыть. Кольцо-печатка, что носил Норд на среднем пальце левой руки, означало определённый титул. Такое носили только Старшие или Младшие лорды. То есть он либо герцог, либо граф.

— Титул, — кивнул Норд. — Если тебе интересно… Я

имею право называться герцогом. Герцог Норд Грэй.

Ох.

Получается, я тут пью чай… с герцогом. Я, девочка, выросшая в борделе.

— Ну и почему ты смутилась? Ты же общаешься с принцессой Данитой. У неё тоже есть титул. Однако это не мешает тебе сидеть с ней за одним столом.

— Мешает, — призналась я честно. — Иногда даже очень мешает. Но Нита… она не слишком важничает. А принц Дамир… он на неё похож? Ты ведь знаешь его, да?

— Знаю. Нет, они не похожи. Данита больше напоминает свою мать, а Дамир — отца. Его высочество Тодео, мой… хороший друг.

Голос Норда так сильно потеплел, когда он произнёс это имя. Тодео.

К своему стыду, я никогда его не слышала.

— Он… погиб?

— Его убили. Три года назад. Такое иногда случается с членами правящей династии, к сожалению.

— Поэтому император прячет наследника?

— Да.

Я задумчиво потянулась к конфете. Развернула красную обёртку и сразу же сунула сладость в рот. И закатила глаза от удовольствия.

— М-м-м… как вкусно. Ничего подобного не пробовала…

— Это неудивительно, Шани. Конфеты ручной работы с императорской кухни.

Конфета сразу потеряла половину своего вкуса.

— Тебе не влетит? За воровство венценосных сладостей.

— Нет, — засмеялся Норд. — Я официально взял горсточку. Не переживай, императора не объедим.

Я задумалась. Дожевала конфету, наслаждаясь терпким привкусом шоколада во рту. И цитрусовая кислинка, и какие-то орешки… «Гастрономический оргазм», как говорит матушка Роза.

— А какой он?

— Кто?

— Император.

Норд слегка нахмурился, будто бы задумавшись. Взял в руки чашку, сделал глоток. Он выглядел таким озадаченным, что я не выдержала и захихикала.

— Ты так задумался, словно я задала тебе безумно сложный вопрос!

— А он сложный, Шани. Что ты хочешь услышать? Нелегко охарактеризовать человека в двух словах.

— Можно и не в двух. Но… я попробую объяснить. Просто Данита… То, что она говорила о своём дяде… Мне кажется, это глупо. Не может император быть скучным, ограниченным формалистом, как она выражается. Это нелогично.

Норд рассмеялся, качая головой.

— Скучный ограниченный формалист… Да, действительно, вполне в духе Ниты. Но в чём-то она права. Император действительно формалист.

— Тогда любого человека на высокой должности можно назвать формалистом, — возразила я. — Хоть вот Эмирин.

— И это тоже правда. Мы обязаны быть формалистами. И император обязан больше всех. Увы, Данита… она не всегда способна понять его в силу возраста и характера. Но это нестрашно, Шани. Поверь мне, это не значит, что Данита не любит своего дядю. Просто она, — Норд усмехнулся, — любит его покритиковать.

— Да я верю. Но ты не ответил… насчёт императора.

— Я, честно говоря, не знаю, что отвечать, Шани. Велдон… человек. Со своими достоинствами и недостатками.

— Он тебе нравится?

Норд вновь нахмурился, глубоко задумавшись.

— Я даже не знаю… Скорее нет, чем да.

Я решила пояснить ещё одну причину своего вопроса.

— Понимаешь… его ведь прокляла моя мама… И я хочу понять…

— Понять, за что? Я могу рассказать тебе. Они были друзьями — Велдон и Триш. Только она его любила больше, чем друга. Это ты наверняка поняла по снам.

— А он её не любил?

Глаза у Норда стали какие-то странные. Словно ему… было больно?

— Тогда он думал, что нет. Они были молоды, Шани. Иногда в молодости нам кажется, что мы любим кого-то, а потом оказывается… что это наваждение.

— Ты про Эмирин? — уточнила я. — Он всё-таки понял, что…

— Понял, — Норд кивнул. — Но для Триш было уже слишком поздно. Для них обоих было слишком поздно. Велдон очень нехорошо поступил с ней. Гадко. Риш подслушала один разговор, вышла из себя и прокляла его.

Зная маму… точнее, зная Триш… я представляла, как это всё произошло. Она, скорее всего, даже не успела подумать о своём поступке.

— Император настолько плохо поступил?

— Да. По сути, он предал её. Велдон, влюблённый в другую, воспользовался Триш, чтобы заставить Эмирин ревновать. Риш услышала, как он признавался в этом Эмирин.

— Ревновать?.. — я удивилась. — Но это ведь… бред…

— Да, — усмехнулся Норд. — Полный бред, я согласен. Но я ведь уже говорил: в юности мы порой совершаем на редкость глупые поступки. И иногда эти поступки преследуют нас потом всю жизнь.

Почему-то мне показалось, что хранитель библиотеки говорил не только об императоре, но и о себе тоже. Вот только я постеснялась спрашивать. Вместо этого взяла ещё конфету и сунула её себе в рот.

Честно говоря, я всё равно считала, что мама изрядно пе-

реборщила с наказанием. Такое сильное проклятье… это же какая плата должна быть… А уж за двадцать лет оно должно было пустить корни глубоко в душу императора.

— А он знает, как снять проклятье рода?

— Нет. Однажды Велдон спросил об этом Эмирин, но она сказала — если ответит, то снять ничего уже не получится.

— Да, так бывает. — Я кивнула: читала о подобном сравнительно недавно. — Но знаешь… Это должно быть что-то простое. Такие сильные проклятья обычно не накладываются на сложные условия, но дело не только в этом. Мама была импульсивна, и… она погорячилась. Не могла она в момент проклинания что-то сложное выдумать. Условие должно быть простым.

— Я тоже так думаю. Но пока Велдон не догадался. Он думал, что проклятье спадёт, если он откажется от Эмирин, и он фактически отказался — не общался с ней лет двадцать… Но нет. Проклятье до сих пор на месте.

И тут меня как по голове чем-то шарахнуло.

— Так это… что же получается… По условиям проклятия и император, и весь его род не могут иметь наследников. Бесплодие.

— Верно, — кивнул Норд, невозмутимо делая глоток из чашки.

— И одновременно… покушения на императорскую семью, убийства…

— Верно.

— Получается… кому-то нужен трон? И этот кто-то хочет убить Дамира, поэтому его спрятали…

— Шани. — Норд вдруг резко поставил чашку обратно на стол и посмотрел на меня внимательно и остро. — Не нужно об этом думать. Не нужно обсуждать это ни с кем. Это опасно. Очень опасно. Ты понимаешь?

— Да, — я улыбнулась. — Ты сейчас так смешно говорил… как будто ты генерал, а я твой солдат. Наверное, раньше я бы даже испугалась.

Выражение его лица смягчилось.

— Извини. Я не хотел тебя пугать. Но…

— Да я поняла. Я ведь не дурочка… и не Данита. Я ни с кем не буду об этом говорить.

— Хорошо, — кажется, Норду стало легче.

Говорить я, конечно, ни с кем не собиралась. Но не думать у меня вряд ли получится… Особенно учитывая тот факт, что мою маму тоже убили. И не связана ли её смерть с покушениями на императорскую семью?

Я вдруг зевнула, и хранитель библиотеки, сразу заметив это, сказал:

— Всё, Шани, пора. Спать тоже нужно.

— Ага, — я вновь зевнула. — А могу я прийти завтра?

— Ты можешь не спрашивать, — ответил Норд, улыбнувшись мне. — Я всегда рад тебя видеть.

«Тогда попроси меня остаться», — хотелось сказать мне, но я промолчала. Скромная девочка из борделя, да…

Глава 6

Наследный принц Дамир

Дамир знал, что дядя Велдон не сделает Шайне ничего плохого. Он прекрасно понимал это, как и то, что император оставит её нетронутой, не станет пользоваться её нежностью и беззащитностью. Но наследника тревожило другое.

Что с ней будет, когда она узнает? Эта мысль не давала Дамиру покоя. Сможет ли она простить дядю Велдона? Захочет ли быть с ним — не хранителем библиотеки, а императором? Да ещё и проклятым…

Дамир искренне желал дяде счастья. Но он уже давно не замечал в нём стремления быть счастливым. И понимал: как только Шайна узнает, император не станет удерживать её, отпустит, и не будет бороться за своё счастье, потому что считает его невозможным.

И весь ужас был в том, что Дамир совершенно не представлял, как им помочь.

— Ты чего так тяжко вздыхаешь? — спросила Дин, прижимаясь щекой к его плечу.

Они сидели на её кровати почти в обнимку, в полной темноте, и молчали. С того самого момента, как Шайна, одевшись, убежала на встречу с человеком, которого называла

Нордом.

— Не хочу, чтобы ей было больно. Но, кажется, это неизбежно.

— Ты что-то знаешь, да? Ну, о хранителе библиотеки.

Дамир усмехнулся.

— Хранитель библиотеки умер несколько лет назад. Это не он.

Дин охнула.

— А кто тогда? Мир, надо ей сказать!

— Ни в коем случае. Я не могу тебе объяснить, но… говорить нельзя.

Дочь ректора нахмурилась.

— Опять какие-то тайны… Ну у вас и семейка… Ладно, раз ты не бьёшься в панике, значит, человек там неплохой.

— Хороший человек. Просто несчастный, — вздохнул Дамир. — И знаешь… либо они сделают друг друга счастливыми, либо… оба станут ещё несчастнее. И я хотела бы помочь, но не могу.

— Не надо вмешиваться в чужие отношения, — сурово сказала Дин. — Они сами разберутся. Если ты уверена, что он не причинит ей зла…

— Уверена.

Рональдин опустила голову и вновь прижалась щекой к плечу Дамира. Потом взяла его ладонь, сжала в своей руке и вдруг тихонько рассмеялась.

— Ты чего, Дин?

— Это смешно, но мне жаль Коула. Он так… по-детски влюбился в нашу Шайну.

— Эльфы в юности все так влюбляются. Особенности расы.

— Угу. И всё равно жаль.

Дамир поморщился.

— Не жалей. Он, во-первых, не невинный младенец, разберётся, а во-вторых — не факт, что Шайна не ответит ему когда-нибудь взаимностью. Всё может быть.

— Кстати! А что мы будем ей дарить? Так ведь и не решили. У Даниты была какая-то дурацкая идея с платьем для бала, но я боюсь: Шани это совсем не обрадует.

— Да, мягко говоря… Платье — не то, что может обрадовать Шайну. А вот книга или артефакт… Завтра пойдём в город, походим по лавкам, посмотрим что-нибудь ей в подарок?

— Посмотреть-то можно… но куда спихнуть при этом саму Шайну?

— Она завтра к матушке Розе собирается, — вспомнил Дамир. И вдруг ощутил, как Дин положила его ладонь себе на грудь. Потом прижала, погладила… — Это намёк? — он усмехнулся, чуть сжимая пальцы.

Вместо ответа Дин подняла голову — и он увидел, что глаза у неё стали совершенно жёлтыми. Они светились, будто наполненные лунным светом…

Дамир снимал с неё рубашку с лихорадочной поспешно-

стью. С той же поспешностью жадно целовал грудь и живот, спускаясь всё ниже, и чувствовал себя при этом стопроцентным мальчиком.

— Подожди бала, Дин, — выдохнул он, мягко лаская бёдра девушки и удивляясь тому, как с него до сих пор не слетело заклинание Эмирин, — прошу, подожди. Возможно, мне разрешат… — Горло перехватило: он не мог сказать, что именно разрешат, прямо. — …Надеть маску, которая тебе понравится.

Дин приподнялась на кровати и поцеловала Дамира в губы не менее жадно, чем он секундой ранее целовал её грудь и живот. А потом прошептала:

— Я буду ждать. И только попробуй не надеть ту самую маску… Я догоню и заставлю надеть!

Он засмеялся и погладил девушку по щеке.

— Боюсь, всё не так просто, Дин.

— Я знаю, — она вздохнула. — То, чем занимается моя мама, всегда непросто. Хм-м-м… А куда ты отбросила мою рубашку?.. Страсть — это прекрасно, но Шайна не поймёт.

— Поймёт, — усмехнулся Дамир. — Вот Шайна как раз таки поймёт… В отличие от всех остальных.

*

Из императорской библиотеки Шайна вернулась, когда они с Дин уже спали. А утром наследник не заметил в ней никаких эмоциональных изменений — она явно до сих пор была не в курсе, с кем ведёт беседы по ночам.

Вообще ему был удивителен тот факт, что Шайна не знает, как выглядит император. Есть ли в Эрамире ещё хотя бы один подобный индивидуум? Дамир очень сомневался в этом.

А за завтраком, когда они тихо, мирно и немного сонно ели кашу, к ним подсел Коул.

Выглядел он бодрее остальных, даже волосы влажно блестели, словно эльф недавно принимал душ. Не мог, что ли, высушить… мажорик…

— Привет, — сказал Коул, плюхаясь на сиденье рядом с Шайной, отчего она вздрогнула и подняла на него укоризненный взгляд. — Вы в город идёте?

— Идём, — ответила Данита, хотя смотрел эльф исключительно на Шайну, — а ты хочешь с нами?

— Хочу. Можно?

И вновь — только на Шайну. А она отвела взгляд и продолжила есть свою кашу.

Да… Дин права. Бедный, бедный Коул.

— Конечно можно, — продолжила принцесса. — Только мы все в разные места идём. Шани к маме, я — платье искать, остальные тоже по своим делам.

— И я по своим. Просто составлю вам компанию… до определённого момента.

Дамир почему-то не сомневался, что этот «определённый момент» наступит, когда Шайна войдёт в бордель. Или Коул с ней и туда потащится?

Нет, наверное, пока для него это слишком.

Шайна Тарс

Я не очень поняла, зачем Коул навязался идти с нами. Может, хочет передать что-то Стальному Когтю через матушку Розу? Да, наверное. А иначе зачем? У меня сложилось впечатление, что он вполне неплохо общается с другой компанией. И с чего вдруг решил поменять место дислокации?

А, ладно. Какая разница? У меня свои дела в городе, ими и займусь.

Кстати, это интересно. Похоже, Эван, поняв, что с Дин ему мало что светит — она в последнее время к нему очень охладела, — решил переключиться на принцессу. Не знаю, довольна ли этим фактом Данита, но ухаживания третьекурсника принимает благосклонно, и даже согласилась с ним погулять. В сторону какого-то очередного магазина с платьями. Она всё никак не угомонится, выбирает себе одежду для бала, на который мне так не хочется идти.

Но до бала, по крайней мере, ещё далеко, а вот мой день рождения ровно через неделю…

После Даниты с Эваном нас покинули Дин с Миррой, заявив, что им нужно в центр города. И я даже знала, куда именно. В центре города находился самый большой книжный магазин. За подарком потопали.

Так что я осталась одна с Коулом.

— Ты сейчас куда? — спросил он, подозрительно старательно улыбаясь во весь свой эльфийский рот.

— Сначала прогуляюсь. Потом сяду в экипаж — и к матушке Розе в гости.

— Не возражаешь, если я составлю тебе компанию?

Я слегка нахмурилась.

— А зачем?

Коул по своей любимой привычке возвёл глаза к небу.

— Если я скажу, что хочу провести время с девушкой, которая мне нравится, ты поверишь?

Я чуть не упала. И сразу же буркнула:

— Нет.

— Вот-вот. Тогда считай, что я хочу себя обезопасить. Пусть полноценная боевая пара из нас пока не очень, но это всё же лучше, чем ничего. А в прошлый раз ты вообще меня спасла.

— Неужели? — протянула я иронично, и Коул кивнул.

— Ну да. Это было бы глупо отрицать.

— Лестно, — хмыкнула я. — Ладно. Мне, знаешь, тоже совсем не хочется, чтобы ты попадал в неприятности или того хуже. Так что пошли.

Слова эльфа про «девушку, которая нравится» я предпочла поскорее забыть. Дурак он… и шутки у него дурацкие.

*

Какое-то время Коул молча шёл рядом со мной, и у меня было время подумать.

Норд… Ночью я, ослеплённая встречей, почти не думала об этом. А теперь вот задумалась.

Он, конечно, не может быть простым хранителем библиотеки. Простому хранителю библиотеки не было бы известно то, что известно ему. Про условие снятия проклятья с императора. Про подробности наложения этого самого проклятья. И многое, многое другое…

Возможно, Норд близкий друг императора? Но почему он тогда сказал, что Велдон ему скорее не нравится, чем нравится? Разве можно быть близким другом того, кто тебе не нравится?

В общем, я чувствовала себя немного растерянно. Намеревалась засыпать Норда вопросами о нём самом — а в итоге ничего толком и не узнала, кроме того, что этот человек полон тайн не меньше, чем я сама.

— Зачем ты всё время хмуришься?

Я даже не сразу вспомнила, кто находится рядом со мной.

— Что?..

— Зачем ты хмуришься? — повторил Коул. — Тебе совершенно не идёт. Избавляйся от этой привычки.

— Тебя забыла спросить…

— А зря не спрашиваешь. Вот я и говорю: тебе не идёт. Прекращай.

Не знаю, я сильнее разозлилась — или всё-таки развеселилась?

— Боюсь разочаровать тебя, Коул, но я не замечаю, в ка-

кой момент начинаю хмуриться. Это непроизвольно.

— Надо работать над собой, — сказал он назидательно, и я всё же рассмеялась. — А почему ты смеёшься?

— Ага… Я теперь и смеяться не должна? «Надо работать над собой» и всякое такое?

— Нет, смеяться как раз… Смех тебе идёт. А вот когда ты хмуришься, то становишься такой… грозной.

— Вот и хорошо, — сказала я… грозно. — Так ко мне не будут приставать всякие-разные непонятные личности.

— Личности, значит, — усмехнулся Коул. — Это типа меня личности?

Ой, догадливый.

— Нет, — соврала я, и он засмеялся. — А тебе куда-то надо? Или так, просто пошлындать?

— Надо, — эльф сразу же посерьёзнел. — Это касается поисков моего отца.

Вообще я обещала Норду не вмешиваться… Но я же не сильно вмешаюсь, если просто поинтересуюсь?..

— И что у тебя за идея насчёт…

Я не договорила — Коул сразу выпалил:

— Кровный поисковой амулет. Знаешь, что это?

— Э-э…

К моему удивлению, эльф даже не проехался по моей «безграмотности», а просто объяснил:

— Амулет для поиска родственников, который работает на крови. Я пробовал подобные вещи на землях тёмных эль-

фов, но все они показывали, что моего отца нет в живых.

— Но, раз ты пробовал, — не поняла я, — тогда зачем пробовать ещё раз?

Коул хмыкнул и всё-таки прошёлся по мне:

— Сразу видно, что ты плохо понимаешь механизм работы артефактов. У любого из них есть сила действия, и если, например, мой отец закрывается от поиска менее сильным артефактом, чем куплю я, я смогу его найти.

— Вряд ли человеческие мастера делают кровные артефакты лучше эльфов, — выразила я свои сомнения. — Но почему бы не попробовать.

— Вот именно. — Коул посмотрел на меня с некоторой хитринкой во взгляде. — Я знаю, что в квартале, где находится бордель, есть лавка одного неплохого артефактора. Можешь провести меня туда?

Теперь всё стало предельно ясно. И стоило врать насчёт «девушки, которая нравится»? Лучше бы сразу сказал.

— Ну допустим. Только там несколько подобных лавок. Тебе кто конкретно из мастеров нужен?

— Паук.

Мне оставалось только удивлённо приподнимать брови.

*

Паук был одним из самых странных людей квартала. Я плохо его знала, точнее, не знала совсем, да и видела всего раза три, и то мельком. Ни в какие разборки он не вмешивался, ничьих приказов не выполнял, и если хотел работать

— то работал чуть ли не за бесплатно, а если не хотел, то никто не мог его уговорить. Для матушки Розы он сделал кучу охранных, противозачаточных и других амулетов буквально за гроши. И несколько раз приходил в бордель к девочкам. Собственно, именно там я его и видела.

Спать с Пауком хотели многие, и я помнила, как те из девочек, кто его «попробовал», в экстазе закатывали глаза. Правда, потом они же жаловались, что из Паука слов клещами не вытянешь, но тут же добавляли, хихикая: зато, мол, «артефакт» высшего класса, так что молчание можно и потерпеть.

Я привыкла к подобным пошлым шуточкам и обычно никак не реагировала. Но в памяти вот отложилось.

Хотя единственное, что меня интересовало, — это почему его называют Пауком. Но, когда я спросила об этом матушку Розу, она только пожала плечами.

В принципе, я понимала, почему Коулу понадобился именно Паук. Про него говорили, что он самый лучший столичный артефактор, даже лучше официальных императорских из модного салона в центре города. Но беда была в том, что Паук вполне мог отказаться от заказа, не объясняя причин, и в подобном поведении тот же Стальной Коготь видел огромные проблемы. На Паука, кажется, пробовали наезжать, но успехом это не кончилось.

Так что… я, конечно, доведу Коула до лавки, но это не значит, что у него получится уговорить Паука выполнить за-

каз. Однако… а вдруг?

— Далеко ещё? — спросил эльф ворчливо. Он явно не особенно привык ходить пешком, и хоть б*о*льшую часть пути мы проделали в карете, двигаться в экипаже дальше было невозможно.

— Нет, скоро придём. Слушай… — я вдруг вспомнила то, что давно хотела спросить. — А как тебя зовут на самом деле? Если это, конечно, не тайна за семью печатями.

Эльф за моей спиной, кажется, споткнулся от неожиданности.

Нет, ну а что? В конце концов, я ему тут помогаю-помогаю… неужели не имею права хоть имя настоящее узнать?

— Э-э-э… А с чего ты решила, что меня зовут не Коуллар Родос?

Я чуть было не ляпнула: «Какой Родос, если у тебя дедушка — Повелитель Риланд», но сдержалась. О том, что я в курсе его происхождения, Коул не знал. И просвещать его я не собиралась.

— С того. Принцесса Данита, по её собственному выражению, знает все аристократические фамилии тёмных эльфов. А раз насчёт тебя она не в курсе, значит, имя вымышленное.

Он хмыкнул.

— Ну да, логично. И зачем тебе моё имя?

— Просто интересно. Считай это платой за помощь, если хочешь.

— Ах, платой… — протянул Коул. — А я-то считал, что

ты мне помогаешь по доброте душевной. Наивный я!

— Ты не наивный, а нахал.

— И это тоже, — согласился эльф. — Но раз тебе интересно… Только обещай, что никому не скажешь.

— Больно надо…

— На самом деле, Коул — прозвище. Так меня отец называл, да и дедушка до сих пор называет. Сейчас будешь смеяться… Это значит «заноза».

Я действительно смеялась…

А Эдриан был с юмором. Впрочем, почему «был»? Может, он всё-таки жив?

«Ага, и мама твоя тоже жива», — шепнул кто-то вредный и ехидный внутри меня, и настроение сразу пошло вниз.

— А настоящее моё имя Лэйрико.

Лэйрико… Чудн*о*. И как-то совсем не ассоциируется у меня с Коулом.

— А что значит?

Эльф фыркнул.

— «Чудо».

На этот раз я смеялась ещё громче. И чем больше я смеялась, тем сильнее хмурился Коул.

— Ну хватит ржать уже, — пробурчал он в конце концов. — Отцу это имя тоже не нравилось, он говорил, что оно девчачье. Поэтому как назвал Коулом в детстве, так и продолжал называть.

— А «Коуллар» что значит? — выдохнула я, с трудом пе-

реборов рвущийся наружу хохот. — «Заноза в ж…»

— Шайна! — эльф побагровел.

— А что? Это было бы логично… — продолжала издеваться я и отпрыгнула в сторону, когда Коул попытался схватить меня за косу. И снова отпрыгнула, но он всё-таки был боевиком, поэтому быстро скрутил меня и прижал всем корпусом к стене ближайшего дома.

Я почему-то совсем не испугалась, только смеялась и пыталась оттолкнуть его от себя обеими руками.

— Извинись! — прорычал Коул мне в лицо. Я помотала головой.

— Обойдёшься! Тоже мне, высокородное создание… Как там у вас принято? Светлейший? Это всегда меня смешило, вы же тёмные эльфы. Тогда уж «темнейший»…

— Не «светлейший», а «сиятельный». Это традиция! Тебе не понять.

— Да где уж мне, какой-то паршивой айдоган!

Тут лицо Коула внезапно изменилось. Правда, оно вдруг стало каким-то другим. Более резким, острым, злым… И словно потемнело, как небо перед грозой.

Мне показалось — он сейчас сделает что-то, что мне совсем не понравится. И пока я пыталась придумать, какой магией его шарахнуть, Коул схватил моё лицо в ладони и прошептал почти мне в губы:

— А тебя надо было назвать не Шайной, а Эндоллейн. Это значит «сводящая с ума».

Я не успела ответить — позади нас раздался холодный мужской голос:

— Я бы на вашем месте переместился куда-нибудь ещё. Здесь живёт женщина, которая обожает окатывать влюблённых парочек ледяной водой. И не всегда чистой.

Коул резко отпустил меня и обернулся.

А мне и не нужно было смотреть на говорившего, чтобы понять, кто он. Я сразу узнала голос.

— Здравствуйте, мастер Паук, — сказала я вежливо, шагая вперёд. — Я Шайна, дочь матушки Розы. Мы с этим эльфом как раз идём к вам.

— Да? — Артефактор поднял брови. — Ни за что бы не догадался. Ну идите, раз идёте. — И зашагал прочь, насколько я могла судить, к своей лавке.

А мы с Коулом, переглянувшись, последовали за ним.

*

В лавке Паука я не была ни разу, и теперь с любопытством оглядывалась по сторонам. Небольшое помещение квадратной формы, по стенам — стеллажи из светлого дерева с узкими ящичками — наверное, для материалов? Или для готовых артефактов? Все с замочками, то есть запертые. Посреди комнаты — три шкафа, заполненные различными амулетами, с подписями и ценами. Шкафы эти стояли параллельно друг другу, образуя несколько «аллеек», ведущих к большому столу в дальнем конце комнаты. Там же стоял не деревянный, а металлический стеллаж с точно такими же вы-

движными ящичками.

В помещении очень интересно пахло. Я никак не могла понять чем, но в носу всё равно зачесалось.

Паук шёл чуть впереди нас с Коулом, продвигаясь к своему столу, а я задумчиво рассматривала его широкую напряжённую спину.

Паук всегда носил только чёрное. Зато волосы у него были короткие, седые, а глаза — водянисто-голубые, рыбьи, холодные. И кожа бледная, как будто он век на солнце не выходил.

Короче говоря, я бы не назвала Паука приятным человеком. Впрочем, я вообще не была уверена, что он человек, особенно теперь. Хороший артефактор и из орка человека может сделать.

— Вы за чем-то конкретным, молодые люди? — поинтересовался Паук, вставая за свой стол, который служил ему и прилавком. — Или?..

Мне стало интересно: как можно приходить в лавку артефактора не за чем-то конкретным?.. Это же не магазин игрушек.

— За конкретным, — ответил Коул твёрдо. — Мне нужен кровный поисковой амулет.

Паук продолжал смотреть на эльфа спокойно, холодно и испытующе.

— Амулет или артефакт?

— Артефакт, — поправился Коул, и я усмехнулась. Сам

путает эти понятия, а меня ещё упрекает. — И очень хороший. Лучший.

Паук едва слышно фыркнул.

— Лучший кровный поисковой артефакт стоит очень дорого, эльф.

В его голосе я ощущала презрение. Такое… на грани слышимости. Тоже не любит эльфов? Понимаю.

Голос у Паука, кстати, был интересный, такой хрипловатый, немного грубый. Девочки из борделя называли его «чувственным». Не знаю насчёт чувственности, но что-то пугающее там точно есть.

— Я заплачу.

— Сомневаюсь я в твоей платёжеспособности, — открыто засмеялся Паук, и его смех был похож скорее на кашель. — Ты просто не представляешь, о чём говоришь, эльф. Три тысячи золотых альтерров минимум — вот стоимость подобной вещи.

Плечи у Коула чуть поникли. Интересно, насколько глупо в этот момент выглядела я? Три тысячи золотых альтерров — огромные деньги. Гигантские даже.

— В Эйме я покупал за пятьсот! — воскликнул мой однокурсник совсем по-мальчишески, и Паук снисходительно улыбнулся.

— Мы не в Эйме. Ты просишь у меня лучший артефакт — я называю цену. Тебя что-то не устраивает? Ты знаешь, где выход.

Коул закусил губу. Да-а-а, сиятельный эльф не привык торговаться. Но мы люди попроще и не гордые…

— Простите меня за дерзость, мастер, — сказала я вежливо. — Быть может, есть способ уменьшить цену подобной вещи?

Паук перевёл взгляд на меня. Тяжёлый, суровый такой взгляд. Но почти тут же он наполнился заинтересованностью.

— Что ты имеешь в виду под «уменьшить»?

— Что угодно, мастер. Часть суммы можно отдать какими-то вещами, услугами, ну или просто — вы делаете артефакт чуть дольше, чем обычно, и за это тоже может быть скидка.

Паук усмехнулся.

— Значит, ты дочь матушки Розы?

Я посуровела.

— Да. Но я не работаю в борделе.

— Роза тоже не работает, только содержит, — сказал мужчина, изучая меня холодными глазами. — Дай-ка руку.

— Зачем?

— Давай, если хочешь получить скидку, — во взгляде Паука мелькнула насмешка.

По правде говоря, мне это, в общем-то, было безразлично. Ну, почти. Жалко же Коула.

Поэтому руку я протянула.

— Не бойся, — заметил артефактор, взял со стола нож и

уколол мне подушечку безымянного пальца, каким-то образом умудрившись сделать это совсем не больно. Но потом Паук поразил меня ещё сильнее, наклонившись и осторожно слизнув каплю крови. Я дёрнулась, но мужчина только крепче сжал моё запястье.

— Прекрасно. То, что нужно.

— В каком смысле — нужно? — нервно спросила я.

— Ты учишься на артефакторике? — Паук будто бы не слышал моего вопроса.

— Нет. На целительском.

— Тогда я объясню подробнее. Ты полукровка. Полукровки — особенные существа. Ты не человек, но и не эльф. У тебя наверняка есть свойства, которых не бывает ни у тех, ни у других. Скажешь, не так?

Было бы глупо отрицать. Интуиция, сновидчество… И я просто кивнула, чувствуя на себе напряжённый взгляд Коула.

— Существуют некровные амулеты, которые делают либо для людей, либо для эльфов, но для полукровок — никогда. В результате на существах, подобных тебе, эти амулеты работают неправильно. Я хочу вывести формулу эффективности. Ты можешь помочь мне в этом. Проведёшь в моей лаборатории, скажем, три воскресенья — и я продам вам с эльфом кровный поисковой артефакт за… сколько у тебя есть, эльф?

Коул хмурился и сжимал зубы.

— Тысяча.

— Хорошо. Продам за тысячу. Согласны?

Паук спрашивал, согласны ли мы, но смотрел при этом на меня одну. Коул его вообще не интересовал.

— Нет, — ответила я, хмыкнув. — Я целитель, не артефактор. Поэтому не понимаю, что вы собираетесь со мной делать в эти три воскресенья. Может, вы мне руку или ногу хотите отпилить для опытов? Сначала объясните.

Мужчина холодно рассмеялся.

— Руку или ногу отпилить… Забавно. Нет, девочка, я не собираюсь причинять тебе боль. Б*о*льшую часть времени ты будешь сидеть на стульчике и плевать в потолок. Иногда мне понадобится твоя кровь. Пара капель, не литр. Ничего особенного.

— Откуда мне знать, что вы не врёте?

— Хочешь кровную клятву? — сразу же понял меня Паук. — Изволь. Как тебя зовут?

— Шайна Тарс.

Кивок, взмах ножом, неглубокий порез на ладони — и слова, похожие на те, что когда-то произносил Норд:

— Кровью клянусь, что не собираюсь причинять боль Шайне Тарс. Кровью клянусь, что не преследую никаких корыстных целей по отношению к ней. Кровью клянусь, что меня интересует только наука, а не сама Шайна.

Услышав последнее, я фыркнула, а порез на ладони Паука вспыхнул сине-красным, на секунду ослепив меня, а потом

затянулся.

Не врёт.

— Ладно, — легко согласилась я. — С меня три воскресенья, с вас — кровный поисковой артефакт.

— Договорились, — кивнул мастер.

И только выходя из лавки под громкое сопение Коула, я подумала — а не сочтёт ли это Норд вмешательством в поиски эльфом отца?..

Да, наверное, он будет недоволен. Но не могла я не помочь Коулу. Да и… в конце концов, Эдриан — мой дядя, хоть и не по крови. Самой безумно интересно знать, что с ним случилось.

— Шайна, — как только мы вышли, эльф схватил меня за плечи, — зачем ты это сделала?

— Тебя что-то не устраивает? — повторила я насмешливый вопрос Паука.

Глаза Коула светились гневом. Нет бы просто спасибо сказать…

— Кхаррт! — выругался он. — Ты невозможна! Я не пущу тебя одну к этому проходимцу.

— Он не больший проходимец, чем ты, — я хмыкнула. — И глупо было не использовать такой шанс. Три воскресенья — это не три месяца. Зато у тебя будет дорогущий амулет. Про тысячу-то хоть не соврал? Есть у тебя?

— Ну есть, — процедил Коул, сжимая ладони на моих плечах. — За артефакт я расплачусь. А с тобой мне что де-

лать?!

— Ничего! — воскликнула я, вывернувшись из «объятий» эльфа. — Если тебе так легче, считай, что должен мне две тысячи золотых альтерров. И пойдём отсюда поскорее, я к матушке Розе опаздываю.

Я отвернулась и зашагала вниз по улице, а Коул, гневно сопя, последовал за мной.

*

Уже возле борделя я вдруг сообразила: не потащу же я туда эльфа? Мне хотелось нормально повидаться с матушкой Розой, а не следить за языком, постоянно оглядываясь на Коула.

Но отпускать его одного бродить по нашему кварталу… Боязно. Как бы опять не напоролся на каких-нибудь убийц.

— Ты куда сейчас? — спросила я прямо, когда до борделя оставалось буквально пол-улицы. — Тебе же со мной не надо, правильно?

— Правильно, — усмехнулся эльф. Он уже почти остыл. — Я в академию хочу вернуться.

— Что ж ты раньше не сказал! — возмутилась я. — Сейчас экипаж тебе поймаем — и вали. А я вечером вернусь.

— Поздно? — Коул нахмурился, и я фыркнула.

— Как получится. Но до отбоя точно.

Мы выловили экипаж, эльф в него запрыгнул, и я вздохнула свободнее. Всё же не люблю я быть в компании, устаю очень от чьего-либо общества.

Пожалуй, я не уставала только от мамы… и ещё от Норда. Обязательно приду к нему сегодня. Обязательно…

Глава 7

Император Велдон

— Не злись. Ничего страшного не случилось.

Эмирин была спокойна, как тёплое лесное озеро летом, а вот императора почти трясло.

Она пришла к нему в кабинет полчаса назад, чтобы рассказать о произошедшем, — и с тех пор его выворачивало наизнанку от ярости.

— Я ведь предупреждал её, Эм. И просил. Не вмешиваться! — Велдон ударил кулаком по столу так, что тот едва не треснул. — Зачем ей это понадобилось?!

— Шайна сочувствует Коулу, вот и всё. А ты ревнуешь.

Он усмехнулся и покачал головой.

— Да, ревную. Но это не имеет отношения к тому, что она сделала. Ты же понимаешь, как это опасно.

— Понимаю.

— Расскажи мне об этом Пауке.

— Нечего рассказывать, — ректор академии поморщилась. — О нём ничего не знает даже Коготь. Он пришёл в столицу лет семь-восемь назад, открыл лавку в нашем «неблагополучном» квартале. С самого начала поставил себя особняком, ни к кому не примыкал, ни перед кем не стелился. Принципиальный, независимый, ничем противозакон-

ным не занимается. Ну или об этом неизвестно твоей Тайной службе.

— А имя у него есть? Или только прозвище это дурацкое?

— У него есть документы, — усмехнулась Эмирин. — Выданные троллями. А ты ведь знаешь, как они выдают документы. Золото в лапу — и любую бумажку тебе подпишут и печать поставят. Так что… имя почти наверняка придуманное. Эссор Ригард, сорок пять лет, родился в поселении Кёрнар, что на территории троллей находится. Где учился, откуда у него знания по артефакторике — неизвестно, но лицензию он получил, чтобы лавку открыть, все необходимые тесты сдал. Он действительно очень талантливый, Вел.

Император задумчиво постукивал ладонью по столу.

— Тебе не кажется это странным?

— Кажется.

— Проследи за ним.

— Я и так собиралась это сделать, — она улыбнулась. — Не волнуйся. И… не ругай её слишком сильно. Шайна просто не понимает всю серьёзность ситуации, она не знает всего, что знаем мы.

— Мы тоже многого не знаем, — вздохнул император.

— Да. И я хотела поговорить с тобой ещё кое о чём.

— Дай угадаю, — хмыкнул Велдон. — Данита или Дамир придумали очередную забаву, которая безумно понравится мне и их охранникам?

Эмирин едва заметно улыбнулась.

— Разреши Дамиру прийти на бал в честь Дня открытия академии, Вел. В его собственном облике.

Взгляд императора наполнился тоской.

— Ты с ума сошла, Эм?

— Разреши. Ничего не случится. Зато… подразним его.

— Мы его и так достаточно дразним, тебе так не кажется?

Она засмеялась.

— Ему никогда не будет достаточно, поверь. И цель всегда будет оправдывать средства. Какими бы они ни были.

Эмирин замолчала, с сочувствием глядя на Велдона. Она знала: у него сегодня был тяжёлый день. Совещания с утра до ночи… Кажется, он толком и поесть не успел. А тут ещё эта новость про Шайну, которая ходила с Коулом к Пауку. И зачем только предстояло узнать.

И Дамир со своим желанием стать собой на пару часов…

Эмирин понимала их всех. Но больше всего жалела не Дамира, и не Коула, и не Шайну, а Велдона. Ему тяжелее.

— Ладно, — в конце концов вздохнул император, немного подумав. — Пусть пойдёт на бал как Дамир. Головой отвечаешь, Эм.

— Отвечаю. Всё будет хорошо. Да и на балу он пробудет недолго, ему ведь и не бал нужен.

— А что же?

— Моя дочь. Рональдин.

Несколько секунд Велдон молчал.

— Что ещё я не знаю, Эмирин? Что ещё ты мне не рас-

сказывала? — спросил он раздражённо. — Или ты считаешь, что роман наследника с твоей дочерью — вещь неважная и ненужная?

— Вел, — голос Эмирин на миг наполнился звенящей сталью, — это важная и нужная вещь, но не сейчас, когда жизни всех висят на волоске. Я собиралась тебе сказать, но за ворохом проблем совершенно забывала об этом. Я бы и теперь не вспомнила, просто к слову пришлось.

— Получается, Рональдин тоже теперь в курсе статуса своей соседки по комнате? — спросил император мрачно. — Или ты не сообщила ей?

— Сообщила. Иначе это поставило бы под угрозу всё, что мы делали, Вел. Сам понимаешь — две влюблённые девочки…

— О Дарида, — Велдон поморщился, — там же и Шайна ещё… думает, что он девочка.

— Вот именно. И если бы Дин не знала о том, кто такая Мирра, она могла бы вести себя более нервно и навлечь подозрение на обеих. Теперь же она просто ждёт, когда заклинание можно будет снять.

Император в задумчивости встал из-за стола, пошагал по собственному кабинету.

— Эм, я ничего не имею против твоей дочери, ты же знаешь. Более того, с учётом бесплодия… Если проклятье будет снято, кровь оборотней и их плодовитость сыграет династии только на руку. Но говори мне обо всём, что происходит, да-

же если это кажется тебе незначительным. Я должен быть в курсе.

— Прости, — она виновато улыбнулась. — Видишь, я тоже совершаю ошибки.

— Мы все их совершаем, — он усмехнулся. — И я больше всех… Ладно. Иди. А то сейчас уже Шайна придёт.

Несколько секунд Эмирин колебалась, будто хотела сказать что-то ещё.

Но потом всё же, грустно вздохнув, отправилась обратно в академию. А Велдон — в библиотеку.

Ждать Шайну.

Шайна Тарс

Когда я прыгала в портальное зеркало около двенадцати часов ночи, у меня было дурное предчувствие. Очень дурное. И усугублялось оно чувством вины перед Нордом.

В библиотеке горел яркий свет. Хранитель сидел в кресле и читал какую-то книгу, рядом с ним на ручке кресла примостилась Хель. Увидела меня, призывно замурчала, соскочила на пол и побежала навстречу.

Я улыбнулась, села на корточки и погладила её между ушами. А потом, когда подняла голову, обнаружила, что и Норд встал с кресла и теперь глядит на меня… без своей обычной мягкой улыбки.

Похожим образом он смотрел в самый первый раз, когда

я случайно попала сюда, провалившись в зеркало. Холодно и сурово.

И мне не сложно было понять, отчего он так смотрит…

— Привет, — почти прошептала я, поднимаясь в полный рост. — Ты… уже знаешь?

— Шани, — он вздохнул, тяжело и устало, — я ведь просил тебя, помнишь? Просил не вмешиваться, не лезть в эту историю. Ты обещала.

— Я не обещала, я говорила, что постараюсь… — возразила я, и, наверное, зря.

Норд вдруг вспыхнул, как будто я его подожгла.

— Вот как? Может, мне каждый раз брать с тебя кровную клятву, когда я по-хорошему прошу чего-то не делать? Тогда ты будешь держать слово?

Он говорил это настолько зло и горячо, что я почти закричала:

— Я не могла поступить иначе! Я говорила, что постараюсь, но я не могла! Ты просто не понимаешь, как это важно для Коула! Он попросил о помощи, и я не смогла отказать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.